

Ядерное противостояние в Южной Азии

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Геннадия Чуфрина

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

Ядерное противостояние в Южной Азии

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Геннадия Чуфрина

Москва
2005

Вниманию читателей предлагается вторая публикация в рамках общего проекта «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации», осуществляемого под эгидой Московского Центра Карнеги. Первое исследование было посвящено политике пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН, имеющих официальный ядерный статус по Договору о нераспространении ядерного оружия. Вторая работа обращена к политическим, военным, экономическим и договорно-правовым проблемам ядерного противостояния Индии и Пакистана. Авторы выражают благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Макартуров, Фонду Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка за их поддержку проекта. Мы признательны руководству, научным и административно-техническим сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир (Вашингтон) и Московского Центра Карнеги, а также всем специалистам, принявшим участие в обсуждении настоящей работы. Особой благодарности заслуживает рецензент брошюры В. Новиков. При этом представленное исследование отражает взгляды исключительно российских ученых — авторов и редакторов публикации, которые несут полную ответственность за свои оценки и рекомендации.

Научно-техническое обеспечение — В. Евсеев и Е. Богатырева.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2005

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 103009 Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (095) 935-8904.

Факс: (095) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Оглавление

Резюме	4
Об авторах	7
Принятые сокращения	7
Введение	8
Глава 1. Военная ядерная программа Индии	9
Глава 2. Индийская военная доктрина	13
Глава 3. Ядерная программа и доктрина Пакистана	17
Глава 4. Контроль над ядерным оружием и угроза политического экстремизма	21
Глава 5. Отношение Индии и Пакистана к международным договорам по ядерному оружию и мерам доверия	23
Выводы	27
О Фонде Карнеги	31

Южная Азия, по мнению многих политиков и экспертов мира, — это регион, где риск вооруженного конфликта с применением ядерного (ЯО) оружия достаточно велик. Также этот район весьма опасен с точки зрения получения доступа к ядерному оружию международным терроризмом. После 1998 г. на этот взрывоопасный фон наложилась открытая гонка ракетно-ядерных вооружений растущей разрушительной мощи и досягаемости.

Главные факторы, влияющие на динамику разворачивающегося в регионе ядерного соперничества, таковы:

- конфронтация между Индией и Пакистаном вокруг Кашмира, то затихающая, то разгорающаяся с новой силой;
- сложные и противоречивые отношения Индии с Китаем, отягощенные историей открытых вооруженных конфликтов;
- развитие пакистано-китайского и пакистано-северокорейского военно-технического сотрудничества, прежде всего в ядерной и ракетной областях;
- количественное наращивание и качественное совершенствование ракетно-ядерных сил Китая.

К описанному клубку факторов повышенного риска в последнее время прибавилось еще несколько усугубляющих дело обстоятельств. Речь идет, во-первых, о незавершенной операции по восстановлению мира и стабильности в Афганистане под эгидой ООН в исполнении коалиции государств под руководством США, в том числе с вовлечением НАТО и России. Незавершенность этого мероприятия в первую очередь объясняется военной кампанией США и ряда их союзников в Ираке с последующим увязанием «коалиции желающих» в беспросветной партизанской и террористической войне. Это оказывает крайне дестабилизирующее влияние на весь регион, включая рост радикального исламизма и международного терроризма, усиление стимулов к распространению ЯО, и является вторым «фактором риска». В-третьих, разрастается непосредственно связанный с региональными противоречиями Южной Азии международный кризис вокруг ядерной программы Ирана, в который помимо США и России теперь вовлечены ведущие страны Европейского союза — Великобритания, Франция, Германия. В-четвертых, еще большей остроты ситуации добавили скандальные разоблачения 2003—2004 гг. о тайной деятельности высоких пакистанских чиновников по организации «черного рынка» продажи ядерных материалов и технологий в Иран, Ливию, КНДР, что вызвало серьезные опасения, связанные с

возможностью их передачи также радикальным негосударственным организациям.

Как ни парадоксально, обретение ядерного оружия, прежде всего друг против друга, создало в то же время у Индии и Пакистана своеобразную общность интересов как в контроле над их ядерными арсеналами, так и в отношениях с внешним миром. Эту закономерность уже испытали на себе СССР и США, придя в конце 1960-х годов к переговорам об ограничении и сокращении ядерных вооружений и Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Можно предположить, что угроза перерастания любого конфликта в ядерную катастрофу побуждает также оба государства более ответственно относиться к своим противоречиям и избегать прямого столкновения. Но можно ли надеяться, что ядерное сдерживание в Южной Азии всегда сможет предотвратить войну и эскалацию в направлении применения ядерного оружия, как это было между СССР и США в 1950—1980-х годах? Это тем более неясно, если учесть географические, технические и стратегические особенности новых ядерных балансов, а также внутреннюю ситуацию в ряде проблемных стран.

Пока вывод из истории ядерного соперничества в регионе остается неопределенным. Скорее всего привнесение в региональную ситуацию ЯО с обеих сторон сделает широкомасштабный вооруженный конфликт менее вероятным, но не невозможным. Если же он все-таки разразится, то неуправляемая эскалация и обмен ядерными ударами будут почти неизбежными, во всяком случае более вероятными, чем в любом другом районе мира или на глобальном уровне.

Тем более негативный эффект появление ЯО в Южной Азии оказало на международный режим и системы контроля над ядерными вооружениями. Как известно, ни Индия, ни Пакистан не являются участниками ДНЯО и никогда не брали на себя обязательств, прямо вытекающих из этого договора. В таких условиях присоединение Индии и Пакистана к ДНЯО в качестве неядерных государств нереально, а в качестве ядерных тоже неприемлемо, ибо фактически уничтожит дух и букву взаимных обязательств стран — членов ДНЯО, их сложившуюся структуру. Вместе с тем крайне негативным является то обстоятельство, что Индия и Пакистан находятся вне сферы действия ДНЯО, равно как и вне большинства других международных договоренностей и соглашений, регулирующих режим ограничения и нераспространения ядерных и ракетных средств и технологий.

Принимая во внимание политические и военно-технические реалии, сложившиеся на Индостанском полуострове, целесообразно, вместо того чтобы сетовать на случившееся или требовать от Индии и Пакистана присоединения к ДНЯО в качестве неядерных государств, разработать и предложить комплекс взаимосвязанных мер, призванных стабилизировать сложившуюся ситуацию и открыть перспективы ее улучшения.

Суть этого комплекса мер состоит в том, чтобы в обмен на международное признание фактического ядерного статуса Индии и Пакистана свести до минимума как угрозу ядерного конфликта на субконтиненте, так и негативные последствия неучастия этих стран в ДНЯО, а также способствовать ограничению ядерной гонки в Южной Азии и соблюдению двумя державами режима нераспространения ядерных и ракетных технологий и материалов.

В двустороннем плане, по мнению авторов настоящего исследования, целесообразно осуществить следующие меры.

- Следует добиваться от Индии и Пакистана официального принятия и включения в военные доктрины принципа неприменения первыми ядерного оружия по примеру Китая, уже объявившего о таком обязательстве. Тем самым вся военно-стратегическая региональная подсистема (Индия — Китай — Пакистан) оказалась бы более стабильной в смысле снижения вероятности развязывания ядерной войны даже в случае очередного кризиса.

- В интересах нормализации обстановки в районе индо-пакистанской границы и снижения риска военного конфликта с ядерной эскалацией следовало бы содействовать достижению соглашения Индии и Пакистана о взаимном отводе от границы войск включая части, оснащенные тактическими ракетами, способными нести ядерное оружие. Возможности контроля могут быть обеспечены техническими средствами великих держав или наблюдателями ООН.

- Важно достичь соглашения сторон об уведомлении друг друга о любых передислокациях в приграничную зону тактических ракет типа «Притхви» (Индия) и «Хатф-1», «Хатф-2» и «Хатф-3» (Пакистан).

- Еще одним способом снижения риска ядерного конфликта были бы взаимные обязательства не размещать ядерное оружие в Кашмире, т. е. как в индийском штате Джамму и Кашмир, так и в подконтрольных Пакистану областях бывшего одноименного княжества.

- Те же цели, но в более широком масштабе могут быть достигнуты соглашением о поддержании ракетно-ядерных сил средней и большой дальности (свыше 500 км) в состоянии пониженной боеготовности (т. е. легализовать существующую практику) и об уведомлениях об изменении такого состояния в ходе учений, испытаний или по оперативным причинам. Гарантировать это положение, материально воплощающее обязательство о неприменении ЯО первыми, могут национальные технические средства контроля России и США (или) постоянные наблюдатели ООН на военных базах ядерных сил сторон. Опробовав такую меру на субконтиненте, можно впоследствии распространить ее на Россию, США и другие ядерные державы в случае достижения ими предлагаемого рядом специалистов договора о понижении степени боевой готовности стратегических сил.

- В качестве поощрения названных мер России и США помимо содействия контролю могли бы передать Индии и Пакистану технологию систем боевого управления, исключаящую несанкционированное применение («электронные замки»).

- Другим шагом могло бы стать подключение Индии и Пакистана к российско-американскому проекту совместного Центра обмена данными о пусках ракет и развитии ракетных технологий.

В многостороннем формате важно было бы предпринять следующие шаги.

- Добиваться присоединения Индии и Пакистана к Договору по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ) как важнейшему договору, стоящему на пересечении вертикального и горизонтального нераспространения ЯО и призванному стать одной из главных опор ДНЯО. Этот Договор позволил бы косвенно ограничить качественное и количественное развитие ядерных средств Индии и Пакистана, стимулировать ограничение их ракетных сил, а также «усыновить» две фактические ядерные державы в режим нераспространения, не ломая при этом ДНЯО.

- Подписание двумя странами совместной декларации о соблюдении ими положений ДНЯО (без формального членства в Договоре), касающихся запретов на передачу неядерным государствам опасных ядерных материалов и технологий и др. (в частности ст. I, IV, VI и др.).

- Оба государства должны присоединиться к разработке и вступлению в силу Договора о запрещении производства расщепляющегося материала для военных

целей (ДЗПРМ) и в его рамках передать под гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) все объекты своей ядерной инфраструктуры (АЭС, исследовательские реакторы, предприятия по обогащению урана и регенерации плутония), кроме относящихся непосредственно к ядерному оружию (заводы-изготовители ядерных боеприпасов, хранилища боеприпасов и накопленных оружейных ядерных материалов, базы ядерных средств). В таком контексте государства должны были бы присоединиться к Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997 г. и другим гарантиям МАГАТЭ.

- Полезно было бы достичь присоединения обеих держав к соглашению по Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения и его возможным расширенным вариантам.

- Исключительную важность имело бы подключение двух стран к действующим международным организациям экспортного контроля за торговлей ядерными технологиями и материалами (прежде всего Группы ядерных поставщиков).

- То же относится к присоединению двух государств к международному режиму контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

Перечисленные рекомендации по выработке новой стратегии в отношении легитимации ядерного статуса Индии и Пакистана, разумеется, в своем большинстве не имеют шансов на успех без изменения нынешней политики великих держав, и прежде всего США и России. При этом самые большие коррективы следует внести в свою политику Вашингтону.

Речь идет в первую очередь об их линии в сфере ядерного разоружения. От изменения курса США зависит:

- вступление в силу ДВЗЯИ;
- продвижение ДЗПРМ;
- принятие Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г. всеми участниками ДНЯО и «неприсоединившимися» странами;
- распространение гарантий МАГАТЭ на всю ядерную инфраструктуру (кроме относящейся непосредственно к оружию);

- повышение эффективности механизмов контроля над ядерным экспортом;

- усиление действенности Режима контроля над ракетной технологией;

- продолжение процесса сокращения стратегических наступательных вооружений, переход к согласованным мерам понижения уровня их боеготовности, последующие договоры в отношении тактического ядерного оружия.

Наконец, США, Россия, Великобритания и Франция должны принять обязательство о неприменении ядерного оружия первыми против любого государства — члена ДНЯО и стран, фактически соблюдающих его положения и участвующих в его механизмах.

Нет никаких реальных резонансов безопасности, мешающих принятию таких обязательств. Ядерные державы должны отказаться от разработки новых систем оружия и формулирования стратегических концепций, делающих применение ЯО практически более вероятным.

Все эти шаги великих держав сами по себе не гарантируют осуществления мер, предложенных применительно к Южной Азии. Для этого потребуются большие дополнительные усилия. Но без таких шагов великих держав большинство существенных мер, относящихся к Индии и Пакистану, будут неосуществимы.

По мнению авторов доклада, осуществление этих рекомендаций проложило бы путь реального и нестандартного взаимодействия с новыми обладателями ядерного оружия в Южной Азии. Реализация предложенных мероприятий могла бы заметно способствовать укреплению безопасности в Южной Азии, серьезно снизила бы угрозу ядерного конфликта в регионе и содействовала бы нормализации и конструктивному развитию двусторонних индо-пакистанских отношений. Участие обеих стран в мерах по контролю над ядерным оружием могло бы существенно повысить международный авторитет двух новых ядерных государств и за пределами этого региона, способствовать увеличению их ответственности за глобальные процессы в ядерной сфере, активизации их участия в борьбе за ядерную безопасность в мире.

Об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, член научного совета Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации».

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Москаленко Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Пакистана Института востоковедения РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Чуфрин Геннадий Илларионович — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Шаумян Татьяна Львовна — кандидат исторических наук, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Принятые сокращения

ДВЗЯИ	— Договор по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний
ДЗПРМ	— Договор о запрещении производства расщепляющего материала для военных целей
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ИБОР	— Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения
КПНО	— Комплекс предприятий национальной обороны
МАГАТЭ	— Международное агентство по атомной энергии
ОКНШ	— Объединенный комитет начальников штабов
ОМУ	— оружие массового уничтожения
ОЯТ	— отработанное ядерное топливо
РКРТ	— Режим контроля над ракетной технологией
РМД	— ракеты меньшей дальности
СИПРИ	— Стокгольмский международный институт исследований проблем мира
СОН	— силы общего назначения
УНК	— Управление национального командования
ЯО	— ядерное оружие

Южная Азия, по мнению многих политиков и экспертов мира, — это регион, где риск вооруженного конфликта с применением ядерного оружия (ЯО) достаточно велик. Также этот район весьма опасен с точки зрения получения доступа к ядерному оружию международным терроризмом. Это зона сосуществования и одновременно столкновения различных цивилизаций, здесь явным и зачастую насильственным путем переплетены межгосударственные и территориальные споры, религиозные и этнические противоречия, вопиющую остроту имеют социально-политические конфликты. Тут тесно соприкасаются и нередко сталкиваются интересы Индии, Пакистана, Китая, США и России. И после 1998 г. на этот взрывоопасный фон наложилась открытая гонка ракетно-ядерных вооружений растущей разрушительной мощи и досягаемости.

Главные факторы, влияющие на динамику разворачивающегося в регионе ядерного соперничества, таковы:

- конфронтация между Индией и Пакистаном вокруг Кашмира, то затихающая, то разгорающаяся с новой силой;
- сложные и противоречивые отношения Индии с Китаем, отягощенные историей открытых вооруженных конфликтов;
- развитие пакистано-китайского и пакистано-северокорейского военно-технического сотрудничества, прежде всего в ядерной и ракетной областях;
- количественное наращивание и качественное совершенствование ракетно-ядерных сил Китая.

Наряду с названными факторами многогранности и высокой степени напряженности отношений главных конфликтующих стран Южной Азии — Индии и Пакистана обращает на себя внимание непрекращающаяся общая милитаризация обеих стран: только в 1994—2003 гг. их военные расходы (в постоянных ценах) возросли, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), на 42,8%¹. Важнейшим аспектом этого процесса являются крупные индий-

ские и пакистанские закупки за рубежом новейших вооружений и военной техники, лицензий на их производство и осуществление совместных проектов включая ракеты, боевые самолеты, надводные корабли и подводные лодки (в том числе аренда Индией атомных многоцелевых подводных лодок у России). В 1999—2003 гг. (по данным СИПРИ) Индия импортировала оружия на сумму 7,8 млрд долл., а Пакистан — на 2,5 млрд долл. (соответственно второе и девятое места среди крупнейших мировых импортеров оружия)².

К описанному клубку факторов повышенного риска в последнее время прибавились еще несколько усугубляющих дело обстоятельств. Речь идет, во-первых, о незавершенной операции по восстановлению мира и стабильности в Афганистане под эгидой ООН в исполнении коалиции государств под руководством США, в том числе с вовлечением НАТО и России. Незавершенность этого мероприятия в первую очередь объясняется военной кампанией США и ряда их союзников в Ираке с последующим увязанием «коалиции желающих» в беспросветной партизанской и террористической войне. Это оказывает крайне дестабилизирующее влияние на весь регион, включая рост радикального исламизма и международного терроризма, усиление стимулов к распространению ЯО, — и является вторым «фактором риска». В-третьих, разрастается непосредственно связанный с региональными противоречиями Южной Азии международный кризис вокруг ядерной программы Ирана, в который помимо США и России теперь вовлечены ведущие страны ЕС: Великобритания, Франция, Германия. В-четвертых, еще большей остроты ситуации добавили скандальные разоблачения 2003—2004 гг. о тайной деятельности высоких пакистанских чиновников по организации «черного рынка» продажи ядерных материалов и технологий в Иран, Ливию, КНДР, что вызвало серьезные опасения, связанные с возможностью их передачи также радикальным негосударственным организациям.

¹ SIPRI Yearbook 2004: Armaments, Disarmament and International Security. — N.Y., 2004. — P. 353.

² Ibid. — P. 475.

Глава 1

Военная ядерная программа Индии

После завоевания Индией независимости ее руководители неоднократно заявляли, что страна не намерена создавать ядерное оружие, что атомная энергия будет использоваться лишь в мирных целях. Они призвали к нераспространению ядерного оружия, запрещению его использования, прекращению ядерных испытаний и ядерному разоружению. Вместе с тем развитие ядерных исследований в Индии в мирных целях создало задел для осуществления военной программы, причем в основном за счет внутренних ресурсов. Это имело особое значение в условиях, когда мировое сообщество с середины 1960-х годов ужесточало меры по предотвращению появления ядерного оружия в неядерных странах, с особой настороженностью наблюдая за переключением «мирных» ядерных программ на военные цели.

В годы «холодной войны» развитие Индией ядерной программы определялось более всего соображениями безопасности, главным из которых была напряженность в отношениях с Китаем. Ей способствовали обострение индийско-китайских отношений после тибетских событий 1959 г., поражение Индии в войне с Китаем в 1962 г., наличие территориальных споров и имманентно присутствующее соревнование за ведущую роль в Азии. На этом фоне вступление Китая в 1964 г. в «ядерный клуб» явилось, видимо, важнейшим поворотным моментом, предопределившим постепенное последующее склонение Индии к «ядерному выбору».

Другим основным фактором была острая конфронтация Индии с Пакистаном, неоднократно (в 1947—1948, 1965, 1971 гг.) приводившая к вооруженным конфликтам. Каждая из двух стран расценивала другую сторону как главного военного противника, что сформировало механизм подспудной ядерной гонки в виде параллельных соперничающих программ развития ЯО еще до фактического создания ядерных взрывных устройств. Первое такое устройство было испытано Индией в 1974 г. как «мирный взрыв», который, судя по всему, был задуман к качеству предупреждения Пакистану и всему миру относительно технического потенциала Индии. Но Дели не считал это переходом «ядерного Рубикона», поскольку за взрывом не последовали сборка ядерных боеприпасов и их повторные испытания. Реакция Пакистана была прямо противоположной и состояла в ускорении его собственной военной ядерной программы, достоверные сведения о которой были получены Индией в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Для борьбы с Пакистаном Индии не требовалось ядерное оружие ввиду ее огромного превосходства по силам общего назначения (СОН), а также по экономическому и научно-техническому потенциалу, населению и территории. Более того, ЯО в руках Пакистана могло стать «уравнителем» этой асимметрии в пользу Индии. Но Дели не мог рассчитывать на надежные гарантии прекращения военной ядерной программы противника, а к моменту вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1970 г. обе ядерные программы уже набрали значительную инерцию. Кроме того, у Пакистана имелись ядерные державы-покровители — Китай и США. Отношения Индии с СССР были весьма близкими, но не союзническими. Москва не брала на себя обязательство защищать Индию в случае войны последней с КНР или США, тем более войны с использованием ядерного оружия (в отличие от гарантий США союзникам по НАТО и на Дальнем Востоке или обязательств СССР странам Варшавского договора и Китаю в 1950-е годы).

Общая международная обстановка характеризовалась высоким уровнем напряженности в противостоянии двух сверхдержав, гонкой ядерных вооружений на стратегическом уровне (в 1970-е годы силы двух сверхдержав выросли в пять-семь раз по числу боеголовок на стратегических носителях) и наращиванием ядерного оружия в сопредельных с Индией регионах. В непосредственной близости от Индии на островах Индийского океана размещались американские военные базы, а в его водах — военно-морские силы США, насыщенные ядерным оружием. Как особую угрозу в Индии воспринимали наряду с ростом ракетно-ядерного потенциала Китая развитие пакистано-китайского сотрудничества в области ядерных и ракетных технологий военного назначения.

Вследствие действия этих факторов Индия в 1960 г. приступила к наработке оружейных ядерных материалов на построенном с помощью Канады ядерном реакторе «Цирус» мощностью 40 МВт. В 1965 г. правительство Индии в принципе одобрило идею проведения подземного ядерного испытания, притом что Индия присоединилась к Договору о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой 1963 г.¹ В 1974 г. Индия провела подземный ядерный взрыв мощностью 12—15 кт (т. е. равный силе взрыва атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму), который, несмотря на объявленные мирные цели, рассматривался многими индий-

скими аналитиками как ответ на усиление ракетно-ядерного потенциала Китая ². В начале 1990-х годов Индия была отнесена мировым сообществом к категории стран, неофициально обладающих ядерным оружием.

Тем временем ситуация в Южной Азии стала постепенно эволюционировать в сторону снижения угроз национальной безопасности Индии. После ее победы в войне с Пакистаном в 1971 г. разрыв в военных потенциалах двух стран значительно вырос в пользу Индии. Американо-пакистанское военное сотрудничество было временно заморожено, так как общественное мнение США и контролировавшие в то время Конгресс демократы осудили действия пакистанской армии в Восточной Бенгалии. Китай также не проявлял готовности оказывать прямую военную поддержку Пакистану. Это снизило восприятие угрозы Индией, хотя конфронтационность в индо-пакистанских отношениях сохранялась и эти страны не раз оказывались на грани военного конфликта. Камнем преткновения в отношениях между Индией и Пакистаном по-прежнему оставался Кашмир.

С конца 1980-х годов наметились позитивные сдвиги в индийско-китайских отношениях, что давало основания не рассматривать Китай в качестве первоочередной угрозы безопасности Индии. Пекин подписал и ратифицировал ДНЯО, провозгласил принцип неприменения первым ядерного оружия, поддержал режим его нераспространения, присоединился к Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия, а в 1996 г. подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Конфронтационность в китайско-индийских отношениях стала уступать место их нормализации, расширению сотрудничества и укреплению мер доверия на границе. В 1996 г. стороны достигли соглашения о плановом сокращении войск и вооружений на границе, подтвердили взаимный отказ от каких-либо действий по достижению одностороннего преимущества в приграничных районах, т. е. договорились о мерах доверия вдоль границы ³.

Тем не менее сохранявшееся пакистано-китайское военно-техническое сотрудничество продолжало рассматриваться в Индии как негативный фактор ее безопасности. Это было тем более так, поскольку Индия лишилась крупнейшего покровителя и военного поставщика в лице Советского Союза. Распад одной из ядерных сверхдержав в глобальном масштабе ознаменовал окончание «холодной войны», но в то же время, в частности, означал резкое изменение стратегической обстановки в Центральной и Южной Азии в пользу противостоящего Индии исламского мира.

В целом после ликвидации биполярной системы мира, ослабления основного регионального противника Индии — Пакистана и начавшейся нормализации отношений с Китаем угроза безопасности Индии как на региональном, так и на глобальном уровнях хотя медленно и

неоднозначно, но снижалась. Несмотря на это, Индия не только не ослабила, но существенно активизировала развитие своей военной ядерной программы.

Причиной этого в новейших условиях явились, во-первых, престижно-державные геополитические интересы Индии. Они не ограничиваются рамками Южной Азии и определяются тем, что Индия уже в обозримом будущем стремится к утверждению в статусе мировой державы, сопоставимой по значимости с пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, которые одновременно образуют элитный «ядерный клуб». Одним из проявлений этого явилось заявление Индии 21 сентября 2004 г. совместно с Бразилией, Японией и Германией о том, что в своей деятельности ООН должна учитывать перемены, которые произошли на мировой арене после 1945 г. В связи с этим четыре страны заявили о необходимости реформирования ООН и признания их в качестве законных кандидатов на постоянное членство в Совете Безопасности ООН ⁴.

Во-вторых, распад СССР и упразднение глобальной биполярности (при всей условности этого определения) явился мощным стимулом для Индии взять курс на опору исключительно на собственные силы, на военную, в том числе ядерную, самодостаточность. Не секрет, что в перспективе к середине XXI в. многие в Индии и за ее пределами прочат ей роль одной из сверхдержав мирового калибра.

Очевидно, Индия пришла к выводу, что достигнуть статуса мировой державы в условиях, когда ядерное оружие продолжает расцениваться как символ влияния и могущества, самая надежная гарантия суверенитета и безопасности, можно либо приобщением к клубу ядерных держав, т. е. переходом «ядерного порога», либо лишением их «ядерной исключительности», что можно осуществить лишь на путях всеобщего и полного ядерного разоружения. В своей практической военной деятельности Индия отдала предпочтение первому пути, а в политико-декларативном и дипломатическом плане — второму.

Она выдвигала и поддерживала те предложения, которые могли бы в кратчайшие сроки освободить планету от ядерного оружия, и отвергала всякие частичные решения этой глобальной задачи, что, безусловно, свидетельствует о преобладающе пропагандистском характере такой политики. Убеждаясь, что какое-либо антиядерное предложение не соответствует ее подходу, Индия воздерживалась от его поддержки. Так, поначалу она выступила в поддержку ДНЯО, рассчитывая на то, что этот договор обеспечит скорейшую ликвидацию ядерного оружия. Однако, придя к выводу, что он лишь закрепляет ядерную монополию «пятерки» и лишает остальные страны права на собственный «ядерный выбор», она сделалась его противником, расценивая Договор как дискриминационный в отношении подавляющего большинства стран — своего рода «ядерный апар-

теид». Индия стала постоянно подчеркивать неэффективность ДНЯО как не обеспечивающего ни вертикального, ни горизонтального нераспространения ядерного оружия.

В 1993 г. Индия выступила одним из инициаторов Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, предложив включить в текст ДВЗЯИ специальную статью, определяющую точные сроки ликвидации всего ядерного оружия. Поскольку это предложение не было принято, Индия выступила против одобрения Договора на сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 1996 г. (кстати, в практическом плане выступление Дели против ДВЗЯИ диктовалось и стремлением сохранить свободу выбора в вопросе проведения собственных ядерных испытаний).

Непосредственно перед проведением ядерных испытаний Дели официально определил «китайскую угрозу» в качестве главной причины, вынудившей Индию перейти «ядерный порог». Об этом открыто заявил тогдашний министр обороны Дж. Фернандес ⁵. Именно ядерное оружие расценивалось индийскими аналитиками в качестве действенного противовеса военному потенциалу Китая как в области ядерных, так и в сфере обычных видов вооружений.

Фактор угрозы со стороны ядерного Китая и «околоядерного» Пакистана активно использовался различными политическими партиями и общественными организациями Индии во внутривнутриполитической борьбе. Решение о проведении ядерных испытаний приняло коалиционное правительство во главе с «Бхаратия джаната парти», которая в своем предвыборном манифесте обещала перейти «ядерный порог». При принятии этого решения учитывалось сложное внутривнутриполитическое положение, в котором в начале 1998 г. оказалось правительство, имевшее незначительное и неустойчивое большинство в парламенте. Учитывалось также, что курс на собственный «ядерный выбор» пользовался широкой внутривнутриполитической поддержкой и рассматривался как основа обороноспособности и независимости страны, а отказ от него расценивался как предательство национальных интересов. В этих условиях выполнение одного из предвыборных обещаний «Бхаратия джаната парти» — перехода «ядерного порога» должно было способствовать стабилизации положения в стране и укреплению позиций правящей коалиции ⁶.

Эти предположения оправдались: результаты опроса, проведенного в Индии 26—27 мая 1998 г., т. е. после проведения ядерных испытаний, показали, что более 80% респондентов одобрили решение правительства об испытаниях ядерного оружия, а 65% согласились с тем, что ядерные испытания были проведены в интересах национальной безопасности. В атмосфере поднявшейся националистической волны позиции правительства укрепились ⁷.

Фоном ядерных испытаний в мае 1998 г. была и сохранявшаяся напряженность в отношениях с Пакистаном. Был прерван индо-пакистанский политический диалог, стороны обвиняли друг друга в ядерных амбициях, в развертывании баллистических ракет вдоль общей границы. Это сопровождалось предупреждениями о «принятии адекватных ответных мер», требованиями введения международных санкций против другой стороны и т. д. Продолжались вооруженные столкновения в пограничных районах, усиливалась напряженность и активизировались террористические действия в Кашмире. Появление у Пакистана ракеты средней дальности стало поводом для еще большего обострения обстановки.

Открыто заявленные испытания ядерного оружия прошли в два этапа на полигоне Покхаран в Раджастхане, где в 1974 г. был осуществлен ядерный взрыв. 11 мая 1998 г. были взорваны три ядерных устройства: одно (оно считается термоядерным) мощностью 45 кт, другое мощностью 15 кт и третье мощностью менее 1 кт. 13 мая были испытаны еще два заряда мощностью менее 1 кт. Сразу вслед за этим последовали ядерные испытания Пакистана.

По оценкам экспертов, в настоящее время Индия имеет 30—35 ядерных зарядов в боеготовом состоянии, а также определенное количество готовых комплектующих компонентов, что позволяет в течение нескольких дней собрать дополнительное количество ядерных боезарядов. Запасы оружейного плутония оцениваются в 225—370 кг, что достаточно для производства 50—90 ядерных боезарядов. Кроме того, в Индии имеется некоторое количество оружейного урана ⁸. По другим источникам Индия имеет от 45 до 95 ядерных боезарядов ⁹. Есть также данные о том, что индийский арсенал насчитывает от 60 до 100 ядерных боезарядов ¹⁰.

Что касается средств доставки, то осуществление военной ядерной программы Индии сочеталось с приобретением и разработкой носителей ЯО. Страна располагает большим числом боевых самолетов, которые могут нести ядерные бомбы (к ним относятся самолеты типа МиГ-27, Су-30МКИ, «Мираж-2000», «Ягуар») ¹¹. Индия входит в число стран, которые в наибольшей степени продвинулись в ракетостроении. В начале 60-х годов началось изучение космического пространства, а уже в 1980 г. Индия первой среди развивающихся стран с помощью собственной ракеты вывела на околоземную орбиту искусственный спутник.

В 1983 г. в Индии была принята «Программа интегрированного ракетостроения», которая предусматривала создание ракет различного назначения, в том числе ракет меньшей дальности (РМД) «Притхви» класса «земля — земля», противотанковых ракет третьего поколения «Наг», ракет «земля — воздух» «Тришул» и «Акаш» и др. На вооружении индийской армии уже стоят ракеты меньшей дальности «Притхви-1» (150 км). В частях

ВВС имеются ракеты «Притхви-2» с дальностью 250 км, а морская версия «Притхви» под названием «Дхануш» (250 км) успешно прошла серию испытаний и принимается на вооружение ВМС (в перспективе дальность ее полета планируется увеличить до 500 км). Интенсивно идут работы над ракетой морского базирования «Сагарика» с дальностью 250—350 км. В серийном производстве находятся противокорабельные ракеты «БраМос» совместной разработки с Россией. Они могут использоваться как ракеты морского и воздушного базирования с дальностью полета до 300 км. Успешные испытания прошли ракеты «Акаш» класса «земля — воздух» (дальность до 25 км) и «Трешул» (ракета ПВО корабельного базирования с дальностью до 9 км)¹².

В выполнении своей ракетной программы Индия использовала помощь СССР/России, ФРГ, Франции, но в основном ракетостроение опиралось на собственную научно-производственную базу. Серьезным достижением стало создание ракеты средней дальности «Агни» (дальность действия — 1500 км), которая на 95% является результатом собственного научно-производственного развития.

В 1994 г. после нескольких испытаний работы с ракетой «Агни» были заморожены главным образом в результате давления со стороны США. После того как летом 1997 г. Пакистан начал испытания баллистической ракеты «Хатф-3» с дальностью действия более 600 км, работы, связанные с «Агни», возобновились. Осенью 2002 г. Индия завершила серию испытаний ракет типа «Агни» средней дальности (1500—2500 км) и малой дальности (700 км), после чего началось их развертыва-

ние в войсках. Существуют планы увеличения дальности «Агни» до 5000 км. Именно ракеты «Агни» могут рассматриваться в качестве основного носителя создаваемого ракетно-ядерного потенциала Индии. Перспективные планы развития ракетных вооружений предусматривают создание межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья» с дальностью действия 8—12 тыс. км. Ракеты «Притхви», «Агни» и в будущем «Сурья» способны нести ядерные боеголовки.

Развитие ракетно-ядерного потенциала Индии происходит в условиях общего роста ее арсенала вооружений, причем особое внимание обращено на развитие военно-воздушных и военно-морских сил. Планируется создание боевого самолета по технологии «Стелс». Начались работы по новой космической ракетной системе много-разового использования по типу «Шатла». Военный флот пополняется новыми боевыми кораблями различных классов как собственной постройки, так и закупаемыми за рубежом (например, авианосец «Адмирал Горшков», который будет оснащен шестнадцатью современными палубными истребителями МиГ-29К с перспективой заказа в будущем еще 30 таких самолетов). Совершенствуется система управления разведки и связи. Особое внимание уделяется созданию современных видов высокоточного оружия в обычном оснащении, планируется добиться максимального внедрения в индийскую армию средств вычислительной техники и информационных технологий. В качестве важнейшей задачи поставлено достижение к 2005 г. обеспечения вооруженных сил отечественной боевой техникой на 70%.

¹ Сотников В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. — М., 2003. — С. 25.

² Nuclear Power in India and Pakistan. — New Delhi, Sept. 2004. — (Nuclear Issues Briefing Paper; 45).

³ Singh Swaran. Sino-Indian CBMs: Problems and Prospects // Strategic Analysis [New Delhi]. — 1997. — July.

⁴ india@online.ru, Sept. 23, 2004.

⁵ Peace at N-Point // The Hindustan Times. — 1998. — May 4.

⁶ Kanthan Pradeep. India's Nuclear Tests Reflect National Consensus // Nuclear Developments in South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. by R. Azizian; Centre for Strategic Studies. — Auckland, 2001. — P. 81—90.

⁷ Sunday Times of India. — 1998. — May 31.

⁸ Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2002. — P. 191.

⁹ <http://www.globalsecuritynewswire>. February 25, 2002.

¹⁰ Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Op. cit. — P. 191.

¹¹ SIPRI Yearbook 2003: Armaments, Disarmament and International Security. — New York, 2003. — P. 622.

¹² Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Южная Азия в мировой политике. — М., 2003. — С. 228.

Глава 2.

Индийская военная доктрина

Сразу после ядерных испытаний в Индии был создан Совет национальной безопасности во главе с премьер-министром, в задачи которого входит изучение международной и региональной обстановки и выработка рекомендаций относительно возможных политических и военных действий Индии в случае появления реальной угрозы ее безопасности. В рамках этого органа сформирована группа стратегического планирования. Важная функция Совета национальной безопасности — укрепление взаимодействия между гражданским руководством и военными.

В августе 1999 г. был опубликован проект «Ядерной доктрины Индии», подготовленный действующим под эгидой Совета национальной безопасности Комитетом по выработке рекомендаций по вопросам национальной безопасности. Этот проект предусматривал последовательное движение Индии по пути превращения в полноценное ядерное государство. Важнейшая цель — создание ядерного арсенала, достаточного для того, чтобы «любое ядерное нападение на Индию и ее вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон». Ядерные силы Индии «должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно отвечающими на возникающие потребности в соответствии с концепцией "надежного минимума сдерживания"»¹. Эти силы должны быть основаны на триаде, состоящей из наземно-мобильных ракетных систем, морских и авиационных носителей.

Следует отметить, что приведенные формулировки демонстрируют некоторую стратегическую путаницу. Под «адекватным возмездием» принято понимать ядерный удар, соразмерный по причиненному ущербу потерям от нападения противника. В отличие от этого под «невосполнимым уроном» обычно подразумеваются потери в населении, экономике и военном потенциале, которые невозможно восполнить в обозримый период времени и который практически прекращает существование современного государства — по-другому это еще называется «гарантированным уничтожением». Наконец, «минимальным сдерживанием» принято считать способность нанесения ответным ударом урона противнику, который не уничтожит его полностью, но обесценит любые ожидаемые им плоды агрессии.

Впрочем, нельзя судить индийских стратегов слишком строго — даже в странах, давно развивающих ядерную стратегию и соответствующую материальную базу, мож-

но встретить множество несуразностей и неувязок в доктринальных формулировках. Возможно также (и это тоже нередко случается), что провозглашенные индийские стратегические концепции в совокупности представляют собой компромисс между сторонниками разных взглядов. Наконец, можно также предположить, что различные концепции относятся к разным этапам прогнозируемой эволюции ядерного баланса с другими странами по мере нарастания индийского потенциала: от «минимального сдерживания» через «адекватное возмездие» к способности причинить «невосполнимый урон» (или они относятся к разным гипотетическим противникам, например, Китаю или Пакистану).

На основе первого проекта 4 января 2003 г. была обнародована краткая ядерная доктрина Индии, включавшая такие концепции, как минимальное сдерживание, нанесение первого ядерного удара, применение ядерного оружия только в ответ на ядерное нападение на территорию Индии или индийские вооруженные силы. Ответный ядерный удар согласно опубликованной доктрине будет рассчитан на нанесение противнику невосполнимых потерь (в связи с чем делается ссылка на ст. 51 Устава ООН, предусматривающую «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную оборону» в случае вооруженного нападения на любое государство, являющееся членом ООН) и может быть совершен лишь по приказу гражданского политического руководства, отданному командованию ядерными силами. Ядерное оружие не может быть использовано против неядерных стран. Доктриной предусматривалось осуществление строгого контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий, участие в переговорах о Договоре о запрещении производства расщепляющегося материала для военных целей (ДЗПРМ), продолжение соблюдения моратория на испытания ядерного оружия. Наконец, Индия еще раз подтвердила свою неизменную приверженность установлению мира, свободного от ядерного оружия, путем глобального контролируемого и недискриминационного ядерного разоружения².

Вместе с тем обращает на себя внимание частичное изменение формулировки относительно неприменения первым ядерного оружия по сравнению с первоначальным проектом доктрины. В окончательной редакции применение ядерного оружия признано возможным и в случае нападения на Индию с использованием не только ядерного, но и биологического или химиче-

ского оружия. Таким образом, концепция неприменения первым ядерного оружия была трансформирована в концепцию неприменения первым оружием массового уничтожения (ОМУ). При этом утверждается, что принцип неприменения первым является краеугольным камнем ядерной доктрины Индии, которая призывает к подписанию всеми ядерными странами коллективного соглашения об отказе от применения ядерного оружия первым³. Неясно, однако, рассматривает ли Индия возможность ответного ядерного удара в случае, если ее ядерные силы подвергнутся нападению только с применением обычного оружия.

Важность принципа неиспользования первым ядерного оружия, по утверждению индийских экспертов, определяется целым рядом факторов. Приверженность этому принципу будет способствовать снижению угрозы гонки вооружений в Южной Азии и может рассматриваться как важная составная часть мер доверия. Ядерные силы не будут постоянно находиться в состоянии боевой готовности, и политическое руководство сможет реально осуществлять над ними контроль, что предотвратит опасность непреднамеренного их использования и неконтролируемой эскалации военного конфликта. Еще в 1999 г. Индия предложила Пакистану начать переговоры о подписании соглашения о неиспользовании первыми ядерного оружия. Правда, достижение такой договоренности — при условии двойного превосходства Индии над Пакистаном в обычных вооружениях — обеспечило бы Индии возможность победить в любом конфликте в Южной Азии с использованием сил общего назначения⁴. И это, естественно, подчеркивалось в отрицательной реакции Пакистана.

Отметим, что здесь воспроизводится логика взаимоотношений противостоящих сторон в Европе в годы «холодной войны». НАТО придерживалось концепции первого применения ЯО, неизменно указывая на превосходство Варшавского договора в силах общего назначения, а СССР принял в 1982 г., как Индия двадцать лет спустя, одностороннее обязательство о неприменении первым ядерного оружия (хотя большинство специалистов считают, что это было только политической декларацией и никак не повлияло на реальные оперативные планы и материальную основу ядерной стратегии). Через десять лет после советской декларации, в 1993 г., Россия возродила концепцию первого применения ЯО перед лицом теперь уже превосходящих сил общего назначения НАТО, а в перспективе и КНР, что опять-таки мало повлияло на реальное оперативное планирование и развитие российских вооруженных сил.

Впрочем, возможно, что в случае Индии концепция неприменения первыми ЯО — это нечто большее, чем декларация. В Дели уделяется повышенное внимание проблемам организации управления новым видом оружия, структуры командования, а также комплексу вопросов

защиты ядерных объектов и транспортировки ракетно-ядерного оружия, повышения его эффективности, прежде всего через уменьшение уязвимости ракетных средств на стартовых позициях. Руководство страны выделяет большие ресурсы на создание системы раннего предупреждения, включающей средства космического и воздушного мониторинга, разработку систем управления («электронных ключей»), препятствующих несанкционированному запуску ракет, а также других устройств и процедур, снижающих вероятность ядерного удара из-за политического просчета или технического сбоя.

На начальной стадии ядерное оружие Индии находилось в распоряжении командования трех видов вооруженных сил. В 2002 г. было решено передать ядерный арсенал в ведение специально созданного стратегического ядерного командования. Оно подчинено Объединенному комитету начальников штабов Вооруженных сил Индии, который, в свою очередь, находится под контролем правительства. В начале 2003 г. в Индии было создано Объединенное командование стратегическими силами, предметом ведения которого является создаваемый ракетно-ядерный потенциал страны. Через Объединенный комитет начальников штабов это командование находится под контролем Совета национальной безопасности. Само Объединенное командование состоит из политического комитета во главе с премьер-министром, задача которого — принятие принципиальных стратегических решений включая решение о нанесении ядерного удара. В ведение второго, исполнительного комитета входит выполнение решений политического комитета. Его руководитель — помощник главы правительства по национальной безопасности.

Нужно подчеркнуть, что как в организации четкого гражданского контроля над применением ЯО, так и в интегрировании командования ядерными силами, полностью отвечающего специфике ядерного оружия и характеру гипотетической ядерной войны (которая немислима в виде военных действий отдельных видов вооруженных сил), Индия сразу продвинулась дальше ряда «ветеранов ядерного клуба», в частности России. И это несмотря на сравнительно раннюю стадию развития индийского ядерного потенциала, малочисленность и техническую «незрелость» его систем, ограниченность выделяемых финансовых ресурсов. Вероятно, Индия мудро перенимает не только технические решения и стратегическую мысль других стран, но и учится на их ошибках.

Возможности Индии сохранить государственную жизнеспособность в случае нанесения по ее территории ядерного удара со стороны Пакистана оцениваются достаточно высоко, хотя любой такой удар может привести к гибели миллионов жителей больших административно-промышленных центров. Гипотетически в случае нападения Индия скорее всего сохранит достаточно средств для нанесения ответного ядерного удара, по-

сколько возможности Пакистана в нанесении разоружающего удара по ядерным силам Индии весьма невысоки. В случае же массированного ракетно-ядерного удара со стороны Китая (имеющего около 100 моноблочных ракет малой дальности и 150 средних бомбардировщиков) возможности нанесения Индией неприемлемого ущерба последнему в ответном ударе не столь очевидны. Как представляется, объединенный ядерный удар Китая и Пакистана с более высокой вероятностью может лишить Индию способности нанести неприемлемый ущерб КНР. Без наличия морской составляющей ядерной триады в виде ракетных атомных подводных лодок (АПЛ) вероятность поражения практически всех индийских ядерных средств и командных пунктов вполне реальна. Именно поэтому Дели придает такое значение созданию АПЛ с ракетно-ядерным оружием.

Ответ ядерных сил Индии на нападение со стороны Пакистана способен, судя по всему, решить исход войны в ее пользу, особенно если учитывать ее превосходство над Пакистаном и во всех других компонентах вооруженных сил. Приблизительное соотношение сухопутных войск этих двух государств оцениваются в пользу Индии в пропорции 2 : 1. По общему потенциалу своих ВВС и ВМС Индия превосходит Пакистан примерно в 2,5 раза ⁵.

Дополнительным и весьма серьезным преимуществом Индии в вероятном конфликте с Пакистаном является недостаточно большая глубина его обороны, вызванная особенностями географии этой страны. Протяженность индо-пакистанской границы, не считая линии контроля в Кашмире, составляет более 2 тыс. км, центральные и южные ее сектора Пакистану трудно защитить из-за отсутствия естественных преград. В то же время все основные населенные пункты Пакистана расположены недалеко от индийско-пакистанской границы, причем второй по величине и значению город Лахор находится от нее всего в 25 км. Ответный ядерный удар Индии с использованием нескольких десятков ракет средней и малой дальности, если к началу ядерного обмена ее силы будут приведены в боеготовое состояние, способен нанести Пакистану невосполнимый ущерб как с военной, так и с морально-политической точки зрения, ибо он будет сопровождаться огромными прямыми и еще большими последующими жертвами среди мирного населения ⁶.

При этом нанесение ответного ядерного удара Индией сопряжено с проблемами организационного порядка, поскольку индийские ядерные боезаряды хранятся на складах отдельно от средств доставки. Это служит гарантией от несанкционированного применения, пока не созданы надежные системы управления и связи («электронные ключи»), позволяющие политическому руководству полностью контролировать применение ЯО и в то же время иметь гарантию от несанкционированного

запуска. Напомним, что первые поколения ядерных ракет США и СССР в конце 1950-х и начале 1960-х годов тоже хранились отдельно от ядерных боеголовок и по тем же причинам. Но если в кризисной ситуации не будет принято заблаговременное решение о состыковке ракет и боевых частей, то возможность сделать это и принять решение о запуске ракет в условиях, когда по территории страны будут наноситься ядерные удары, весьма проблематична ⁷.

Интересно, что ядерные средства Индии сейчас находятся в таком состоянии пониженной боеготовности, к которому многие политики и специалисты призывают идти великие ядерные державы — в качестве способа отхода от отношений взаимного ядерного сдерживания по мере физического сокращения их ядерных вооружений, но не дожидаясь их приближения к нулевой отметке. Если названный путь в обозримом будущем будет избран США, Россией и другими членами «Большой пятерки», то, возможно, Индии не понадобится проходить весь технически сложный и крайне дорогостоящий цикл развития своих ядерных средств вслед за ними, если, конечно, к такому решению присоединится и Пакистан.

В Индии продолжается активное обсуждение размеров оптимального ядерного арсенала, изучается вопрос о «минимальном ядерном потенциале», т. е. о минимально достаточном арсенале ЯО, позволяющем нанести противнику в ответном ударе ущерб, обесценивающий любые возможные плоды агрессии. «Минимальный ядерный потенциал» рассматривается не только как военная категория, но и как экономическая, ибо состояние социально-экономических проблем страны является значительным сдерживающим фактором для выделения больших финансовых ресурсов на расширение ядерных сил (да еще с учетом огромных расходов на силы общего назначения). При этом, конечно, на расчеты минимально достаточных сил будет решающим образом влиять определение противников и вероятности их взаимодействия при нападении на Индию. Также это зависит от прогнозируемой степени живучести индийских ядерных сил (наземно-мобильные ракеты, ракеты морского базирования), систем управления, эффективности средств разведки и раннего предупреждения, которые, в свою очередь, требуют больших затрат.

После испытаний 1998 г. Индия объявила о моратории на их дальнейшее проведение, о возможности присоединения к ДВЗЯИ, выразила готовность участвовать в подготовке Договора о запрещении производства расщепляющего материала. Потом было заявлено, что односторонний мораторий останется в силе только при условии, что другие государства также откажутся от осуществления ядерных взрывов. В ноябре 1998 г. Индия внесла на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН проект резолюции, предусматривающей меры по

снижению риска несанкционированного и случайного применения ОМУ. В ней, в частности, предлагалось снять с боевого дежурства баллистические ракеты с ядерными боеголовками всем державам, располагающим этим оружием. Она выступила в поддержку повышения эффективности экспортного контроля над ядерными материалами и технологиями и за международные переговоры о полном уничтожении ядерного оружия во всем мире ³.

Складывается впечатление, что начался постепенный отход Индии от традиционной декларативной приверженности идее всеобщего и полного ядерного разоружения и переход к концепции частичного ограничения и поэтапного сокращения ядерных вооружений на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, о чем в частности свидетельствуют ее вышеупомянутые заявления и предложение договориться с Пакистаном о мерах доверия в ядерной области. Насколько требование быстрого ядерного разоружения звучит благородно, настолько оно нереалистично в практическом плане и чаще всего свидетельствует о нежелании данного государства связывать себе руки в развитии ЯО или о стремлении набрать пропагандистские очки в критике великих

ядерных держав. Об отмеченном изменении линии Дели свидетельствует заявление, сделанное в парламенте 9 мая 2000 г. тогдашним министром иностранных дел Джасвантом Сингхом, о том, что хотя Индия и не подписала ДНЯО, но, став ядерным государством, поддерживает основные положения Договора, касающиеся ядерных стран. Речь шла, как отмечает известный индийский эксперт по стратегическим проблемам Раджа Мохан, о ст. I, III и VI ДНЯО, предусматривающих гарантии нераспространения ядерного оружия и ядерных технологий, необходимость принятия эффективных мер по прекращению гонки ядерных вооружений и полному ядерному разоружению ⁴.

Таким образом, продолжая характеризовать ДНЯО как инструмент «доминирования и гегемонизма» и символ «ядерного апартеида», Индия по существу заявила о готовности стать «частью системы», созданной этим договором. Хотя она видит себя в этой системе в качестве ядерной державы, это явилось важнейшим поворотом в индийской политике в данном вопросе с начала 1970-х годов, подсказывающим некоторые решения проблемы стран, «не присоединившихся» к ДНЯО, о которых речь пойдет ниже.

¹ *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M* Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2002. — P. 196. Эта концепция направлена на решение задачи обеспечения гарантированного надежного сдерживания при минимально допустимом уровне средств сдерживания. Вместе с тем неясно, противостояние какому ядерному потенциалу — пакистанскому, китайскому либо их объединенному — определяет понятие «минимально допустимого уровня средств сдерживания».

² <http://meaindia.nic.in/2003/01/04pr01.htm>.

³ На это обстоятельство обратил внимание авторов настоящего исследования посол Индии в России Камаль Сибал в ходе беседы с ними 14 октября 2004 г.

⁴ *Reshmi Kazi*. Efficacy of India's No-First-Use Policy // *Mainstream*. — 2004. — Vol. 62. — № 39. — Sept. 18. — P. 28—30.

⁵ *Шилин А. А.* Стратегический баланс в Южной Азии. — М., 2004. — С. 273.

⁶ Там же. — С. 210—212.

⁷ В этой связи уместно упомянуть о существовании достаточно распространенной точки зрения, согласно которой Индия рассматривает свое ядерное оружие в первую очередь и главным образом как оружие политическое, не предназначенное для фактического применения в военных целях.

⁸ *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т.* Южная Азия в мировой политике. — М., 2003. — С. 248.

⁹ *Mohan R. C.* No First Use and India's Nuclear Transition. — London, 2002. — (Pugwash Meeting; № 279, Nov. 15—17, «No First Use of Nuclear Weapons»).

Глава 3.

Ядерная программа и доктрина Пакистана

Пакистан, как и Индия, приступил к развитию своей ядерной программы с гражданской составляющей, начало которой относится к середине 1950-х годов, когда в стране была создана Комиссия по атомной энергетике. В 1965 г. в Пакистане стал работать небольшой исследовательский реактор, топливо для которого поставляли США, само предприятие было поставлено под гарантии МАГАТЭ. В 1972 г. в Карачи был осуществлен пуск первой АЭС «Канунп» с одним реактором мощностью 125 МВт, построенным Канадой. Вначале эта АЭС работала на канадском и американском ядерном топливе, затем стало использоваться топливо пакистанского производства. С помощью Китая в начале XXI в. вступила в строй станция «Часунп» в Чашме (близ Равалпинди). Она имела один энергетический реактор мощностью 300 МВт. На обе эти станции распространяются гарантии МАГАТЭ.

Помимо энергетических было построено несколько исследовательских реакторов. Велась добыча урановой руды, производился урановый концентрат (на это производство гарантии МАГАТЭ не распространялись). Были созданы установки по производству тяжелой воды, используемой для реакторов на природном уране, нарабатывающих повышенное количество плутония (на них также не распространялись гарантии МАГАТЭ). В ходе развития гражданской ядерной программы в стране была создана научно-техническая база и прочие условия для перехода к военной программе.

Этот переход начался в Пакистане в середине 1970-х годов после поражения в войне с Индией 1971 г., которое было усугублено испытанием индийского ядерного устройства в 1974 г.¹ По мысли пакистанских руководителей, в первую очередь, реализация ядерной программы должна была сократить возросший дисбаланс с Индией по обычным вооружениям, который образовался в результате военного поражения Пакистана и потери им восточной части страны (ныне — Бангладеш).

Во-вторых, Индия отвергала практически любые инициативы Пакистана, направленные на предотвращение ядерной гонки в регионе, в том числе такие, как создание в Южной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, принятие совместной декларации об отказе от приобретения или производства ядерного оружия, осуществление двусторонней инспекции всех ядерных объектов на взаимной основе и принятие полномасштабных гарантий МАГАТЭ над всеми ядерными объектами обеих стран. Пакистан был готов присоединиться одновременно с Индией к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве

неядерного государства и предлагал заключить двусторонний договор о запрещении испытаний ядерного оружия. Все эти вопросы Пакистан был готов обсудить на двусторонних индийско-пакистанских переговорах, а также соглашался на участие в них США, СССР и Китая.

Выдвигая эти и другие предложения аналогичного содержания, Пакистан преследовал отнюдь не только политические или пропагандистские цели, но и пытался удержать Индию от превращения в ядерную державу, прекрасно понимая, что в противном случае ему придется пойти вслед за ней по этому сложному, чрезвычайно дорогостоящему и опасному пути. Готов ли он был при этом смириться с индийским превосходством в силах общего назначения, реально используемых для достижения военных и политических целей, как показала война 1971 г., остается открытым вопросом. Когда Пакистан все-таки встал на эту стезю, то, как и Индия, начал прикрывать свои действия критикой ДНЯО. В дальнейшем Пакистан полностью следовал в «ядерной колее» за Индией, стараясь повторять все ее действия и реакции на внешние раздражители. Даже ответ Пакистана на индийские ядерные испытания в мае 1998 г. был симметричным — как и Индия (с учетом испытания, проведенного в 1974 г.), он взорвал в течение двух дней шесть зарядов, в том числе один — средней мощности (36 кт), другой — пониженной (12 кт) и четыре малой мощности (около 1 кт)².

В-третьих, наряду с «индийским фактором» важной дополнительной причиной начала военной ядерной программы Пакистана явилось его стремление укрепить свои позиции в мусульманском мире, став в нем первым обладателем ядерного оружия, и получить в этой связи от исламских государств необходимую политическую поддержку и экономическую помощь. Тезис об «исламской бомбе», которая рассматривалась как нечто принадлежащее всей умме (всемирной общине мусульман), активно использовался Пакистаном в пропагандистских целях³, а также как способ получения «исламских» финансовых средств на государственном и частном уровнях.

За создание собственного «ядерного арсенала» выступило подавляющее большинство пакистанского общества, которое связывало с этим укрепление национальной независимости и обороноспособности страны, усиление позиций в противостоянии с Индией. Интересно, что возражения все-таки высказывала часть интеллигенции, которая опасалась в итоге создания ОМУ ухудшения внешнеполитического положения Пакистана, роста внутри

страны милитаризма и шовинизма⁴. Определенные круги бизнесменов также усматривали опасность того, что гигантские расходы на новое оружие подорвут экономику страны и нанесут ущерб их собственной деятельности. Немногочисленные активисты антиядерного движения утверждали, что строительство атомных объектов происходит в сейсмически активных районах. Критические настроения существовали даже среди части офицерского корпуса, которая опасалась сокращения средств на развитие сил общего назначения в условиях общей ограниченности финансовых и материальных ресурсов⁵.

Важную роль в создании ракетно-ядерного потенциала страны сыграл физик-ядерщик Абдул Кадир Хан, ряд лет проработавший в странах Западной Европы и вернувшийся в Пакистан в конце 1974 г., привезя с собой секретную техническую документацию по технологии обогащения урана.

Первоначально вся работа шла под эгидой Комиссии по атомной энергетике, в рамках которой действовал Комплекс предприятий национальной обороны (КПНО). Затем А. К. Хан и его сотрудники были выделены в самостоятельную организацию, главной задачей которой было проведение программы по обогащению урана. В короткие сроки был создан комплекс ядерных предприятий в Кахуте (недалеко от Исламабада). К 1987 г. было наработано достаточно оружейного урана для ядерного заряда и все было готово для проведения ядерных испытаний⁶. После того, как были достигнуты определенные успехи в решении задачи создания ядерных зарядов, в обоих центрах — Кахуте и КПНО — занялись созданием средств их доставки. В Кахуте разрабатывались жидкостные ракеты, в КПНО — твердотопливные. Создание ракет средней дальности («Гхори» и «Шахин» различных модификаций), способных доставлять ядерные заряды на расстояние от нескольких сотен до полутора тысяч километров, можно рассматривать как успех пакистанских ученых и инженеров. Однако следует учитывать и тот факт, что в его основе лежала значительная помощь со стороны КНР и КНДР.

При слабой базе ядерной энергетики и ракетной технологии Пакистана объединение всех занятых выполнением военной программы предприятий в две крупные группы, находившиеся в острой конкуренции, способствовало решению основных задач в достаточно сжатые сроки. В 2001 г. было решено объединить усилия бывших конкурентов и все работы проводить под руководством Ядерного оборонительного комплекса. В процессе перевода Пакистаном гражданской ядерной энергетики на военные рельсы были созданы такие крупные объекты, как уранообогащительные предприятия в Сихале, Горла (оба — в районе Исламабада). Но есть и предприятия по выделению плутония из отработанного ядерного топлива (ОЯТ) в Хушабе, Чашме и Равалпинди. Естественно, практически на все ядерные объекты Пакистана (всего около 20), задействованные в военной ядерной программе, не распространяются гарантии МАГАТЭ.

В настоящее время Пакистан создает ядерные боезаряды на основе высокообогащенного урана. Однако поскольку ядерные боезаряды на основе оружейного плутония эффективнее, хотя и сложнее, в середине 1990-х годов Пакистан осуществил в Хушабе пуск сравнительно мощного тяжеловодного реактора, который используется в качестве реактора-наработчика плутония в дополнение к имеющимся мощностям по регенерации плутония из ОЯТ других станций⁷.

Ракетно-ядерный комплекс Пакистана — это большая сеть промышленных предприятий, НИИ и лабораторий, учебных центров и пр., на которых работают около 10 тыс. специалистов. В отличие от Индии, где подобные предприятия размещены по всей территории, в Пакистане они расположены в северной части страны, в непосредственной близости от Индии, Афганистана и Кашмира, недалеко от Таджикистана и Китая. Внутри страны эти предприятия группируются вокруг крупных городов. В той или иной степени с ракетно-ядерным производством связано около 50 частных компаний⁸.

Пакистан создавал ракетно-ядерное оружие за счет тяжелого напряжения внутренних ресурсов, сокращения многих других расходов. Китай оказал ему большую помощь в создании и развитии ядерной энергетике, а также средств доставки ЯО, предоставляя технологии баллистических ракет и оборудование для их производства. В этой сфере Пакистан получал помощь и от КНДР в обмен на поддержку развития ее ядерной энергетике. На «исламскую бомбу» не жалели финансовых средств богатые арабские страны (Ливия, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и др.).

Вместе с тем созданный в Пакистане ракетно-ядерный потенциал в течение длительного времени использовался и как источник получения больших доходов. Под руководством «отца пакистанской бомбы» А. К. Хана был создан обширный рынок с участием ряда стран, на котором ядерные технологии и материалы продавались в Ливию, Иран, КНДР. Пакистан использовался также как перевалочный пункт в этой широкой «торговой сети». По признанию А. К. Хана, сделанному в начале 2004 г. после того, как по этому поводу разразился громкий международный скандал, «в курсе дела» были командующие вооруженными силами страны и советники по обороне глав правительств в период 1988—1997 гг. (иного и быть не могло при крайне жесткой опеке ракетно-ядерных программ со стороны военно-бюрократической верхушки страны)⁹. Не вызывает сомнения, что значительная часть доходов, полученных от проведенных сделок, пошла на государственные и прежде всего военные нужды Пакистана, хотя высокий уровень коррупции предполагает и персональную выгоду многих должностных лиц. Притом что действительные размеры этой торговли скрыты плотной завесой секретности, об их величине можно судить по появившейся в печати информации о том, что

только за одну сделку с Ливией пакистанская сторона получила 100 млн долл.¹⁰

После проведения в 1998 г. ядерных испытаний Пакистан продолжал нарабатывать оружейные ядерные материалы и, по всей видимости, производить из них боезаряды. Все большее внимание стало обращать на увеличение количества ракетных средств доставки и их совершенствование¹¹. В силу высокой степени секретности данные о ядерном вооружении Пакистана крайне разрозненны и существенно отличаются друг от друга. Они основываются на возможностях военно-экономического и ядерного развития страны, предполагаемых запасах оружейного урана и плутония, способности и времени превращения их в боезаряды и т. д. Так, некоторые американские специалисты считают, что Пакистан имеет и может собрать в течение нескольких часов или дней 30—50 урановых и 3—5 плутониевых боезарядов¹². По другим источникам, ядерный арсенал Пакистана составляет от 15 до 40 боезарядов¹³.

Можно с уверенностью предположить, что обе ядерные страны Южной Азии после взрывов 1998 г. продолжают производство ЯО, несмотря прекращение испытаний. Это означает, что к моменту проведения взрывов технологии разных типов боеприпасов были доведены до весьма высокого уровня. Ядерный арсенал Индии превышает пакистанский и по количеству «готовой» продукции, и по запасам сырья. К тому же индийское оружие более мощное, поскольку значительная его часть состоит из плутониевых компонентов. По оценкам американских экспертов, пакистанские ядерные боезаряды хранятся в разобранном состоянии — ядерные компоненты отдельно от неядерных¹⁴. Вероятно, эта еще более глубокая степень понижения боеготовности (по сравнению с индийской практикой раздельного хранения боеголовок и ракет) тоже обусловлена страхом перед несанкционированным применением ЯО.

Меньше разница между Индией и Пакистаном в количестве ракет. В Пакистане разработаны и развернуты баллистические ракеты малой, тактической дальности (80 км), средства оперативно-тактического класса (300, 600, 750, 800 км). Разработаны ракеты средней дальности (800, 1300, 1500, 2000, 2500 км), часть которых уже находится на вооружении пакистанской армии. К числу последних достижений пакистанского ракетостроения относится двухступенчатая твердотопливная баллистическая ракета «Шахин-2» («Хатф-6»), прошедшая успешные испытания в марте 2004 г. Она способна доставить ядерный боезаряд на расстояние 2500 км и впервые оснащена разделяющейся головной частью. Ракета способна поражать цели практически на всей территории Индии¹⁵. В сфере авиационных средств доставки на стороне Индии сохраняется довольно заметное преимущество.

В отличие от Индии Пакистан не имеет четко сформулированной ядерной доктрины (правда, предполагается, что таковая все же имеется, но держится в тайне). Поэтому отдельные сведения о ней можно получить только

из некоторых официальных документов, заявлений высокопоставленных чинов, мнений экспертов. Известно, что в противоположность Индии Пакистан не отказался от принципа применения первым ядерного оружия. Свое нежелание открыто заявить цели и задачи ядерной доктрины выразители официальной пакистанской точки зрения объясняют необходимостью для более слабой в военном отношении стороны сохранять неопределенность и двусмысленность в том, что касается ее планов, намерений и возможностей¹⁶.

Возможные сценарии нового военного столкновения на субконтиненте, разрабатываемые в Пакистане, обычно исходят из представлений об ограниченной войне, перерастающей в полномасштабную, которая, естественно, поставит Пакистан в тяжелое положение и побудит его военное и политическое руководство прибегнуть к ядерному оружию как к последнему средству¹⁷.

Главное в ядерных планах Пакистана — это продолжение работ по количественному и качественному развитию ядерного оружия с целью создания арсенала, достаточного для того, чтобы «любое ядерное нападение на Пакистан и его вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон»¹⁸. Как видно, и в стратегических концепциях Пакистан имитирует Индию включая их противоречивые моменты.

Пакистанская военная ядерная программа аналогично индийской имеет целью создание «минимального ядерного потенциала сдерживания». Разъясняя эту задачу, президент Первез Мушарраф заявил в 2001 г., что это позволит Пакистану, с одной стороны, эффективно нейтрализовать значительное превосходство Индии в обычных вооружениях и предотвратить ядерный конфликт с ней, а с другой — избежать гонки ядерных вооружений, обеспечивая свой военный ядерный потенциал на минимально необходимом уровне¹⁹.

Принята рассчитанная на 15 лет программа оснащения ядерным оружием трех основных видов вооруженных сил. Исламабад, провозгласив право применять первым ядерное оружие, заявил о невозможности присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства и занял уклончивую позицию по ДВЗЯИ. В то же время он объявил односторонний мораторий на ядерные испытания, выразил готовность прекратить производство расщепляющихся материалов в военных целях и заявил о желании участвовать в подготовке договора о запрещении производства таких материалов для военных целей. Кроме того, видимо, в пропагандистских целях, было заявлено об открытии двух ядерных объектов для инспекций МАГАТЭ.

В мае 2004 г. в ответ на просьбу Совета Безопасности ООН к членам международного сообщества ужесточить законы, препятствующие вывозу ОМУ и его технологий (резолюция № 1540) Пакистан принял закон об усилении ограничений и наказаний за экспорт ядерных, биологиче-

ских, химических и ракетных технологий и материалов. Нарушителям грозит тюремное заключение сроком до 14 лет, штраф в 5 млн рупий и конфискация имущества²⁰. Разумеется, не последнюю роль в подобном решении сыграл упомянутый скандал с торговлей ядерными технологиями.

Подводя итог, следует отметить, что существующее ядерное противостояние в Южной Азии отличается большой степенью нестабильности. То же было характерно для конфронтации СССР и США до середины 1960-х годов. В данном случае как географическая близость противостоящих сторон, так и отсутствие у них адекватных систем предупреждения и боевого управления ядерными силами, а также малая живучесть носителей на стартовых позициях создают повышенный обоюдный стимул к нанесению упреждающего удара с целью разоружения противника и предотвращения ядерного возмездия.

Правда, в мирное время силы обеих сторон, насколько можно судить по доступной информации, поддерживаются в состоянии пониженной боевой готовности — прежде всего для предотвращения несанкционированного запуска. Но в случае кризиса или уже начавшейся войны они по необходимости должны быть переведены в состояние повышенной боеготовности (ядерные боеприпасы собраны, боеголовки пристыкованы к ракетам, ракеты развернуты на боевых позициях). И сами эти мероприятия, если о них

станет известно, могут быть восприняты другой стороной как приготовление к нападению. Оказавшись перед роковой дилеммой — «запустить или проиграть», одна из сторон (или обе сразу) могут сделать катастрофический по последствиям выбор. СССР и США оказались на грани такого выбора во время Карибского кризиса 1962 г., когда ядерной войны помогло избежать, возможно, лишь счастливое стечение обстоятельств. Рассчитывать только на то же в отношениях Индии и Пакистана было бы чрезмерным оптимизмом, если не безответственностью. Более надежные гарантии может дать лишь комплекс продуманных и реалистических мер и соглашений.

Страх перед ядерной войной может до определенного момента побуждать стороны к повышенной осторожности, чтобы избежать вооруженного конфликта. Но если в силу политических причин это все же не удастся, военное столкновение может в нынешних условиях быстро привести к ядерной эскалации с чудовищными прямыми последствиями для двух стран и косвенными — для всего остального мира.

Кроме того, в отличие от прежнего противостояния ядерных держав в Южной Азии огромным отягчающим положение обстоятельством являются внутренние факторы нестабильности, способные вызвать к жизни действия, приводящие к тяжелым последствиям в военной, в том числе ядерной, сфере.

¹ Об истории ядерной программы Пакистана подробнее см.: *Matinuddin K. The Nuclearization of South Asia.* — Karachi, 2002. — P. 82—108.

² *Newline* [Karachi]. — 1998. — June. — Vol. 9. — № 12. — P. 25—26.

³ З. А. Бхутто, приступая к реализации военной ядерной программы, заявлял, что «...все цивилизации — христианская, иудейская и индусская имеют ядерное оружие, коммунистические государства владеют этим оружием. Только исламская цивилизация его не имеет. Такая ситуация должна измениться» (*Bhutto Z. A. If I am Assassinated.* — Lahore, 1994. — P. 138).

⁴ Это впечатление сложилось у авторов исследования на основании бесед с представителями различных кругов интеллигенции, некоторых их высказываний и суждений в печати.

⁵ Обычно в прямой форме такие опасения не попадают в средства массовой информации, но конкуренция за ограниченные бюджетные ресурсы между представителями различных видов и родов войск общеизвестна.

⁶ *Khan A. K. Without Kahuta Nothing Was Possible // Herald* [Karachi]. — 1998. — June. — Vol. 29. — № 6. — P. 28.

⁷ *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / Carnegie Endowment for Intern. Peace.* — Washington, 2002. — P. 212.

⁸ *The Telegraph* [Calcutta]. — 1997. — July 3.

⁹ *New York Times.* — 2004. — Jan. 30; *Компас: Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС.* — 2004. — № 7. — 12 февр. — С. 28; *New Yorker.* — 2004. — March 1.

¹⁰ *The News* [Islamabad — Rawalpindi]. — 2004. — March 17.

¹¹ Генерал П. Мушарраф заявил в 2004 г., что за последние три-четыре года затраты на совершенствование ядерного потенциала превысили аналогичные расходы за все предшествующие 30 лет (*Dawn* [Karachi]. — 2004. — Oct. 12).

¹² *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Op. cit.* — P. 207.

¹³ *Daily Telegraph* [London]. — 2002. — Febr. 25; *The News.* — 2001. — Oct. 2; *Коммерсант.* — 2002. — 28 мая.

¹⁴ *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Op. cit.* — P. 207.

¹⁵ *Dawn.* — 2004. — March 9.

¹⁶ *Shahi A. Response to Indian Nuclear Doctrine // The News.* — 1999. — Nov. 30; *Mazari Shireen M. Nuclear Proliferation: The Way Forward. A Pakistani Perspective.* — Paper presented at the seminar in Moscow Carnegie Center, 28 September 2004. — P. 4, 7—9.

¹⁷ *Jones R. W. Minimum Nuclear Deterrence Postures in South Asia: An Overview // J. of South Asian and Middle Eastern Studies* [Villanova]. — 2002. — Summer. — Vol. 25. — № 5. — P. 34—35; *Коммерсант.* — 2004. — 6 февр.

¹⁸ Statement by Prime Minister Nawaz Sharif // *Dawn.* — 1999. — Sept. 5.

¹⁹ *Moore M., Kamran Khan. Pakistan Moves Nuclear Weapons: Musharraf Says Arsenal Is Now Safe // Washington Post.* — 2001. — Nov. 11.

²⁰ *Dawn.* — 2004. — Sept. 15.

Глава 4.

Контроль над ядерным оружием и угроза политического экстремизма

Особенность пакистанской политической системы состоит в том, что у власти совместно с высшими гражданскими бюрократами стоят военные. В отличие от Индии в Пакистане с самого начала ядерное оружие находилось в ведении армейского руководства, и проблема гражданского контроля над ЯО просто не стоит. Скорее вопрос в том, создает ли чисто военный контроль повышенную опасность применения этого оружия или, наоборот, ее уменьшает, насколько устойчив существующий режим, каковы наиболее вероятные альтернативы ему.

В 2000 г. было создано Управление национального командования (УНК), ответственное за развитие и использование ядерных сил и находящееся под руководством главы военной и гражданской администрации генерала П. Мушаррафа. УНК состоит из двух комитетов: один из них осуществляет контроль над развертыванием и боевым использованием ракетно-ядерных сил (именно он принимает решение о применении ядерного оружия). Во главе этого комитета стоит президент, его заместитель — председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ). Другой комитет контролирует развитие ракетно-ядерных сил, возглавляет его премьер-министр. Для осуществления более тесного взаимодействия УНК с ОКНШ при последнем сформирован отдел стратегического планирования. Членами первого комитета — по контролю над оперативным развертыванием ракетно-ядерных сил — являются министры обороны, внутренних дел, финансов, председатель Объединенного комитета начальников штабов. В состав второго комитета — по контролю над развитием ракетно-ядерных сил — входят начальники штабов видов вооруженных сил, главы технических, учебных и административных служб армии, флота и военно-воздушных сил. Таким образом, УНК представляет собой важнейший государственный орган, в котором тесно переплетена деятельность высшей военной и гражданской бюрократии, ядерных и обычных вооруженных сил, в нем представлены главные министерства, основные виды войск. В этот орган входят также руководители и специалисты исследовательских организаций, связанных с выполнением стратегических задач.

В условиях нынешней бурной активизации в мире сил религиозного и этнического экстремизма и международного терроризма возможность получения ими доступа к оружию массового уничтожения, прежде всего ядерному, представляет собой огромную, возможно, самую большую угрозу. Поэтому наибольшие опасения

вызывает Пакистан как самое слабое звено общемировой системы нераспространения в связи с характером современного режима и присущей ему внутренней политической нестабильностью. В перспективе существует вполне реальная возможность превращения Пакистана в «страну-изгоя» и рассадник терроризма, получения доступа к ядерному оружию экстремистски настроенными исламистами: как через захват ими власти в стране (что менее вероятно), так и в результате раскола структур, контролирующих ЯО, или путем передачи ядерного оружия или оружейных материалов террористам за деньги либо по идеологическим мотивам. По распространенному выражению, Пакистан является одновременно и участником борьбы с международным терроризмом, и частью проблемы. Причем эта проблема была в какой-то мере решена в ходе операции под флагом ООН в Афганистане, но неизмеримо обострена в итоге односторонней и внеправовой военной кампании США и их союзников в Ираке.

Пока верховная власть в стране находится в руках командующего армией генерала П. Мушаррафа, отмеченная опасность не очень велика, хотя оценка стабильности нынешнего режима варьируется. Военные, придя к власти в 1999 г. по существу вынужденно и спонтанно, восстановили в почти полном виде прежнюю систему номинальной (или усеченной) демократии. Годы правления администрации П. Мушаррафа ознаменовались выходом из состояния экономического спада, проведением выборов в органы местного самоуправления, в центральный и провинциальные парламенты. Усеченность демократии тем не менее проявляется в командной роли армии и ее руководителя, но эту особенность многие специалисты считают отвечающей специфическим условиям страны.

Нарушить стабильность теоретически могут три силы:

- исламские экстремисты Пакистана, причем речь идет не о фундаменталистах и радикалах «легального» типа, ныне активно участвующих в парламентской деятельности (их партии входят в лидирующую тройку фракций в обеих палатах парламента), а о подпольных исламистах, сторонниках вооруженного джихада;
- исламистски настроенные военные (включая офицеров высокого и среднего ранга), недовольные политикой начальника штаба армии и президента генерала Мушаррафа¹;
- укрывающиеся на территории Пакистана и в зоне горных пуштунских племен на его границе с Афгани-

станом лидеры террористического исламистского «интернационала» («аль-Каиды», «Талибана», Исламского движения Узбекистана, сепаратистов из Чечни, Синьцзяна и т. п.).

Эти три силы действуют, как правило, заодно, имея одного глобального противника — США и союзные с ними страны, Россию, а также ряд региональных исламских режимов, в числе которых «свои» предатели и вероотступники. Покушения на Мушаррафа в декабре 2003 г., вероятно, были делом рук представителей всех трех этих сил, действовавших в тесном единстве². Успех таких попыток в будущем может привести к существенной дестабилизации режима власти в Пакистане со всеми вытекающими отсюда последствиями для региональной и глобальной безопасности.

Эксперты обычно рассматривают четыре наиболее вероятных сценария развития Пакистана на перспективу до 2007—2010 гг. Первый — инерционный и самый вероятный, однако чреватый усугублением ряда присущих стране противоречий: сектантских, внутрисламских (в первую очередь суннитско-шиитских; общинных, главным образом мусульмано-христианских), этнических (особенно в Синде), провинциальных (прежде всего между Пенджабом и другими провинциями). Второй сценарий — прерывание постепенности в результате ускорения экономического роста и социокультурного прогресса (трансформация государственного устройства Пакистана в более демократическое по аналогии с турецким). Третий вариант — кризисный, превращение страны в исламское идеологическое государство наподобие того, каким оно в какой-то степени было при Зияуль-Хаке в 1980-х годах с приближением к теократии по иранской модели при Хомейни. Четвертый сценарий — катастрофический, связанный с приходом к власти ортодоксальных традиционалистов типа афганских талибов. В последнем случае неизбежна деградация Пакистана в террористическое государство, весьма вероятно развязывание войны с Индией. Впрочем, такой исход не исключен и при третьем сценарии³.

Даже при наиболее вероятном инерционном развитии событий нельзя исключить попадания оружия мас-

сового уничтожения в руки экстремистов и террористов. Власти в Пакистане не обладают возможностью полностью контролировать ситуацию на всей территории страны. Там существуют «медвежьи углы», где не действуют общегосударственные законы. К таковым относится в первую очередь зона свободных пуштунских племен, охватывающая обширную горную местность вдоль северо-западной границы Пакистана с Афганистаном. Именно там обосновалась, судя по всему, значительная часть сил разбитых в 2001 г. афганских талибов и террористов из «аль-Каиды». Предпринятые весной 2004 г. попытки властей окружить и ликвидировать формирования боевиков не привели к успеху.

При инерционном развитии не исключена возможность активизации международных террористов, сохраняющих тесные связи с пакистанскими экстремистами, которые состоят как из членов различных запрещенных сейчас боевых джихадистских групп, так и из скрытых сторонников радикализма среди военных. При этом экстремисты могут попытаться захватить контроль над запасами оружейных ядерных материалов или над готовыми ядерными боезарядами. В первом случае их целью будет создание и возможное использование примитивного ядерного взрывного устройства (или «грязной бомбы» с использованием плутония — радиологического оружия, способного вызвать радиоактивное заражение местности). Во втором случае целью будет продажа боезаряда или его «ядерной начинки» в зависимости от того, насколько технологически используемы боезаряды, которые могут захватить злоумышленники (не исключено, что такая опасность объясняет хранение, по некоторым сведениям, ядерных и неядерных комплектующих пакистанских боезарядов в раздельном состоянии, требующем для сборки промышленных условий).

Следует иметь в виду, что с началом участия Пакистана в контртеррористической операции в Афганистане и в еще большей мере в итоге его помощи американской кампании в Ираке давление на него со стороны США и других стран в вопросах нераспространения заметно ослабло со всеми вытекающими последствиями.

¹ В этой связи нельзя исключать возможности происламистского военного заговора, аналогичного, например, антиправительственному заговору во главе с генерал-майором Аббаси в 1995 г., несмотря на то, что недовольство военных существенно уменьшилось в последние годы, чему способствовало некоторое улучшение экономической ситуации в стране и сохранение за военными особого положения во властных структурах и в системе управления государственными учреждениями, фондами и корпорациями.

² *Ashgar M., Syed B. S. President Escapes Attempt On Life // <http://www.dawn.com/2003>; Musharraf: A Moment of Hope and Danger // Stratfor. — 2003. — Dec. 27; Afgan and Kashmiri Groups Targeting Musharraf // http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=story_29-12-2003_pg1_6.*

³ *The Future of Pakistan / Strategic Foresight Group. — Mumbai, 2002. — P. 102—106.*

Глава 5.

Отношение Индии и Пакистана к международным договорам по ядерному оружию и мерам доверия

Как подчеркивалось выше, ни Индия, ни Пакистан не только не являются участниками ДНЯО в настоящем, но и не собираются присоединяться к нему в будущем. Причины такой позиции хорошо известны. Во-первых, по мнению обеих стран, абсолютно неприемлемо, что государства, которые сами обладают ядерным оружием, не разрешают иметь его другим, несмотря на угрозы их безопасности. Во-вторых, указывается, что согласно принятым со многими оговорками обязательствам ядерных держав ДНЯО не обеспечивает достаточных гарантий безопасности неядерных государств, особенно в случае конфликта последних с ядерными державами. В-третьих, отмечается, что ДНЯО не предусматривает прямого запрета транзита ядерных вооружений, который трудно отличить от размещения ядерного оружия. И, наконец, в-четвертых, провозглашается, что для обеспечения эффективности ДНЯО все страны должны отказаться от ядерного оружия одновременно¹.

Поскольку Индия и Пакистан никогда не присоединились к ДНЯО, по мнению их руководителей, они вообще не могут рассматриваться как нарушители этого договора, и применение режима международных санкций по отношению к ним неправомерно. Негласно признавая это, Россия и Китай, формально осудив ядерные испытания Индии и Пакистана в 1998 г., вообще отказались от введения против них каких-либо санкций. По существу аналогичную позицию заняли Великобритания и Франция, выразившие сомнения в целесообразности применения режима санкций в отношении Индии и Пакистана². Что же касается США, то, несмотря на первоначальное введение ими режима санкций, они не решились объявить ни Индию, ни Пакистан частью «оси зла», а затем фактически смирились со сложившейся ситуацией. С началом же контртеррористической операции в Афганистане США не только полностью отказались от режима санкций, но и пошли на довольно высокий уровень сотрудничества с Индией и Пакистаном (в том числе по военным вопросам)³.

В июне 1998 г. Совет Безопасности ООН в ответ на проведение Индией и Пакистаном ядерных испытаний принял резолюцию № 1172, в которой выразил глубокую озабоченность последствиями этих испытаний и призвал обе страны к незамедлительному прекращению ядерных испытаний и присоединению к ДВЗЯИ, прекращению производства расщепляющихся материалов для использования в военных целях, а также призвал обе

эти страны подтвердить свое намерение соблюдать запрет на экспорт материалов и технологий, которые могли бы быть использованы импортерами для производства ОМУ и средств их доставки⁴.

Впрочем, эта резолюция Совета Безопасности ООН, также как и попытки введения режима санкций, не смогла сколько-нибудь существенно оздоровить положение на Индийском субконтиненте и ликвидировать угрозу возникновения там ядерного противостояния, чреватого применением ЯО в будущем конфликте или распространением его за пределы двух новых ядерных государств. Также в ответ на призыв международной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (Женева, май 2000 г.) присоединиться к ДНЯО в качестве государств, не обладающими ядерным оружием, Индия и Пакистан ответили решительным отказом⁵.

Таким образом, можно со всей определенностью констатировать, что ДНЯО в его нынешнем виде не смог выполнить роль универсального договора, способного обеспечить нераспространение ядерного оружия в Южной Азии. Появление там двух новых ядерных держав за пределами Договора нанесло тяжелый удар по всем линиям нераспространения ЯО и поставило под сомнение будущее ДНЯО и всего режима нераспространения, если не будут приняты срочные, действенные и новаторские меры к его спасению. Речь об этом пойдет ниже.

Складывается впечатление, что, создав ядерное оружие, обе страны сильно обеспокоились по поводу угрозы ядерного конфликта между собой. Иными словами, создав серьезнейшую проблему, они тут же начали прилагать большие усилия к ее решению. Впрочем, это характерно и для опыта их ядерных предшественников, которым, кстати, понадобилось гораздо больше времени, чтобы всерьез заняться такими мерами.

Важным этапом на пути к установлению диалога по ядерным вопросам явилась индо-пакистанская встреча на высшем уровне в Лахоре в феврале 1999 г. В Лахорской декларации по итогам встречи стороны обязались «принять немедленные меры по снижению риска случайного или несанкционированного использования ядерного оружия и обсудить концепции и доктрины с целью выработки мер доверия по предотвращению конфликта с применением ядерных или обычных вооружений»⁶. В Лахоре был также подписан совместный меморандум, в котором перечислены согласованные конкретные меры доверия, в том числе взаимные уведомления о проведе-

нии испытаний баллистических ракет, соблюдение моратория на новые ядерные испытания, продолжение диалога по проблемам ядерной безопасности.

Эти договоренности оказались, однако, под серьезной угрозой уже в мае 1999 г. в результате Каргильского конфликта. Очередным поводом к ухудшению индо-пакистанских отношений стало нападение группы исламских экстремистов на индийский парламент в декабре 2001 г. В ходе последующего развития конфликта с обеих сторон к границам были выдвинуты войска — около 1 млн военнослужащих. В мае 2002 г. произошло новое серьезное обострение ситуации в Кашмире вслед за проведением там исламистами двух крупных терактов. В ответ Индия была готова начать в середине июня 2002 г. полномасштабные военные действия. Теперь уже каждый новый конфликт происходил на фоне угрозы применения ядерного оружия ⁷.

Тем не менее некоторые из достигнутых договоренностей действуют. В частности, согласно двустороннему соглашению, достигнутому еще в 1988 г. и вступившему в силу в 1991 г., Индия и Пакистан договорились о взаимном ненападении на ядерные объекты друг друга ⁸. Несмотря на сохраняющуюся напряженность в двусторонних отношениях, они также ежегодно обменивались информацией о числе и местонахождении основных ядерных объектов. Стремясь предотвратить дальнейшее ухудшение двусторонних отношений, Индия и Пакистан предприняли начиная с апреля 2003 г. ряд шагов, направленных на возобновление диалогового процесса по проблемам безопасности.

Сначала Индия предложила Пакистану проведение комплексных двусторонних переговоров, в том числе по Кашмиру. В ноябре того же года по инициативе Пакистана вступил в действие режим прекращения огня (перемирия между регулярными воинскими частями двух стран) на всей линии контроля в Кашмире включая его крайний северный участок у ледника Сиачин. В том же месяце руководство Пакистана запретило деятельность на своей территории практически всех радикально-экстремистских организаций исламистов, сделав попытку перекрыть каналы их финансового обеспечения. Совершенные в декабре 2003 г. два покушения на президента П. Мушаррафа были расценены в Индии как свидетельство серьезности его намерений обуздать террористическую деятельность в Кашмире. На этом фоне индийский премьер Атал Бихари Ваджапайи во главе представительной делегации приехал в Исламабад, где в начале января 2004 г. прошла 12-я конференция на высшем уровне Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии. В ходе нее состоялись встречи Ваджапайи с Мушаррафом, а также другие контакты представителей двух стран, на которых были намечены контуры двусторонних комплексных переговоров ⁹.

Согласованный план действий принципиально не изменился и после прихода к власти в Индии по результатам парламентских выборов нового правительства «Объединенного прогрессивного альянса» во главе с Манмоханом Сингхом.

В соответствии с достигнутой договоренностью 19—20 июня 2004 г. в Дели состоялись индо-пакистанские консультации о мерах доверия в ядерной области, по итогам которых было опубликовано совместное заявление ¹⁰. Неделью спустя (27—28 июня) эти консультации были продолжены в Дели на уровне первых заместителей министров иностранных дел, на которой стороны вновь обменялись мнениями по поводу мер доверия в области ядерных и обычных вооружений. В ходе этих консультаций стороны:

- подтвердили договоренность о моратории на ядерные испытания, которые могут быть проведены лишь в случае «чрезвычайных событий», представляющих угрозу национальной безопасности;
- достигли договоренности об учреждении прямой «горячей линии» между министрами иностранных дел Индии и Пакистана, чтобы предотвратить «взаимное непонимание» в критических ситуациях и снизить риск ядерного конфликта;
- договорились подготовить соглашение о взаимном уведомлении о запланированных ядерных испытаниях ¹¹.

В ходе дальнейших контактов министр иностранных дел Индии выступил с предложением разработать общую ядерную доктрину двух стран ¹². Это, безусловно, явилось бы новым словом в истории ядерной политики противостоящих государств, ибо военная доктрина по общепринятому пониманию есть совокупность официально установленных взглядов на характер возможной войны, подготовку к ней и пути ее предотвращения. Впрочем, последняя составляющая, наверное, могла бы быть согласована двумя сторонами. Но Пакистан отказался и со своей стороны выдвинул инициативу по заключению двустороннего договора о режиме ядерного ограничения. Он также в принципе поддержал высказываемое в Индии мнение о необходимости подключить Китай к переговорам по ядерной проблематике в регионе. Хотя реализация такого рода предложения сложна, представители обеих стран отметили его перспективное значение ¹³.

В начале сентября 2004 г. в Дели прошла встреча министров иностранных дел двух государств Натвар Сингха и Хуршида М. Касури. Договоренности, достигнутые министрами, а также специальными помощниками по национальной безопасности двух государств, подготовили почву для встречи на высшем уровне между премьер-министром Индии М. Сингхом и президентом Пакистана П. Мушаррафом. Она прошла 24 сентября 2004 г. в Нью-Йорке, куда оба лидера прибыли для участия в ежегодной сессии Генеральной ассамблеи ООН.

По итогам встречи стороны объявили о стремлении добиваться разрешения кашмирской проблемы мирным путем с помощью переговоров и соглашений, которые устроили бы как Индию, так и Пакистан. Учитывая, что Кашмир остается самой уязвимой проблемой индо-пакистанских отношений, которая таит в себе потенциальную угрозу вооруженного конфликта, готовность сторон приступить к ее конкретному обсуждению может расцениваться как важный шаг на пути предотвращения возникновения военного, в том числе ядерного, конфликта в Южной Азии. Комментируя итоги индо-пакистанской встречи на высшем уровне, индийская и пакистанская печать констатировала возможность компромисса, суть которого — отказ Пакистана от требования выполнения резолюции ООН о необходимости проведения плебисцита в Кашмире, с одной стороны, и признание Индией необходимости урегулирования проблемы Кашмира как «спорной» — с другой. Кроме того, отмечалось, что стороны продвинулись к решению вопроса о леднике Сиачин, подступы к которому с 1984 г. контролируют индийские военные. В случае вывода индийских войск из района ледника Пакистан обещал не вводить туда свои войска. Была также подтверждена необходимость установления мер доверия в пограничных областях. Наконец, в качестве свидетельства общего улучшения индо-пакистанских отношений было объявлено о возобновлении переговоров о прокладке газопровода из Ирана через Пакистан в Индию¹⁴.

Главным достижением нынешнего этапа в индо-пакистанском диалоге, таким образом, можно считать согласие сторон продолжить поиски путей урегулирования всех спорных вопросов включая кашмирский. Климат доверия между двумя странами может способствовать и смягчению остроты стратегического, в том числе ядерного, противостояния и укреплению мер доверия в военной области. Информация о начале конструктивного диалога между Индией и Пакистаном была с удовлетворением воспринята как в России, так и в США и Китае.

Однако, несмотря на достигнутый прогресс в двусторонних отношениях, у Пакистана сохраняется серьезная озабоченность стремлением Индии продолжать наращивание своего военного потенциала. Особое беспокойство у него при этом вызывает военно-техническое сотрудничество Индии с США и Израилем, в частности, индийское решение закупить у Израиля авиационную радарную систему глубокой разведки и раннего обнаружения «Фалькон» и приобрести у США зенитно-ракетные средства типа «Эрроу»¹⁵.

Следует иметь в виду, что разрыв между военными потенциалами Индии и Пакистана имеет тенденцию к увеличению. Бюджет на 2003/04 финансовый год предусматривал дальнейший рост индийских расходов на оборону на 27%, в то время как пакистанские военные ассигнования возросли на 7%. Индийские военные рас-

ходы ныне превосходят пакистанские более чем в четыре раза (около 17 млрд долл. против менее 4 млрд, что, кстати, ненамного уступает оборонному бюджету России на 2005 г.), а текущий их прирост равен годовым военным ассигнованиям Пакистана¹⁶.

Вероятно, если наступившая «волна потепления» продлится достаточно долго, стороны смогут воспользоваться этим обстоятельством и добиться успеха в сфере укрепления мер доверия в ядерной области, создания механизма гарантий против несанкционированного ядерного удара, а также против попадания ядерного оружия в руки экстремистских организаций.

Вместе с тем проблема развития ядерной компоненты вооруженных сил принципиально не будет решена даже при условии серьезного и долговременного улучшения ситуации в регионе. Для Индии обладание ядерным оружием и средствами его доставки помимо утраты Пакистаном имеет другие цели, уже отмеченные выше: сдерживание Китая и повышение престижа страны. Последнее соображение имеет значение и для Пакистана. Ядерное оружие и ракетная мощь являются для Исламабада предметом национальной гордости. Особенно ценны эти достижения в отношениях с другими мусульманскими государствами, прежде всего с Ираном, а также арабскими странами.

Обладание ядерным оружием представляется важным для обоих государств и с позиции их взаимоотношений с великими державами, в первую очередь с США. В связи с американской политикой превентивных действий, которые нередко сопровождаются нарушением суверенитета «проштрафившихся» государств, в обеих странах, особенно в Пакистане, обращают внимание на то, что обладание даже небольшим ядерным потенциалом (либо предположение о наличии атомного оружия, как в случае с КНДР) затрудняет применение силы против них, а быть может, делает его вообще нереальным.

Таким образом, для руководящих пакистанских и индийских кругов ядерное оружие является непременным условием сохранения особого статуса, безопасности и независимого внешнеполитического курса. В этой связи уместно заметить, что в тексте совместного заявления по итогам июньских (2004 г.) индо-пакистанских консультаций наличие ядерных арсеналов у Индии и Пакистана было охарактеризовано как «фактор стабильности»¹⁷.

Тем не менее их ядерные арсеналы и программы создают серьезные проблемы как двустороннего, так и общемирового порядка. Так, эти государства заявляют, что выступают против распространения ядерных технологий и готовы сотрудничать с МАГАТЭ или с любой другой международной организацией в деле предотвращения распространения ядерных материалов. Однако МАГАТЭ не осуществляет контроль над боль-

шинством ядерных объектов Индии и Пакистана (как, впрочем, и других ядерных держав).

Ни Индия, ни Пакистан не участвуют в деятельности таких международных организаций, как Комитет Цангера, созданный в 1974 г. для определения списков запрещенных к экспорту в неядерные страны материалов либо оборудования для обработки или использования расщепляющихся материалов. Не входят они и в Группу ядерных поставщиков (Лондонский клуб), созданную в 1978 г. в целях предотвращения несанкционированного экспорта ядерных технологий и материалов.

Несоблюдение общепринятых правил международной торговли ядерным оборудованием, материалами и технологиями уже привело к тому, что (как стало известно после отказа Ливии от ядерной программы)

с 1989 г. и вплоть до недавнего времени в Пакистане занимались торговлей этими материалами, поставляя их, в частности, в Ливию, Иран и Северную Корею, подготавливаемые в связях с международным терроризмом.

Ни Индия, ни Пакистан не являются участниками международных соглашений в области контроля за нераспространением ракетных технологий, в частности Режимы контроля над ракетными технологиями, действующего с 1987 г. Актуальность же присоединения Индии и Пакистана к таким соглашениям определяется уже тем, что в Южной Азии в настоящее время идет активный процесс совершенствования ракетных средств доставки ядерного оружия, который может вскоре создать большие экспортные стимулы для обеих стран.

¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Южная Азия в мировой политике. — М., 2003. — С. 217—218.

² SIPRI Yearbook 1999: Armaments, Disarmament and International Security. — New York, 1999. — P. 522.

³ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Указ. соч. — С. 300.

⁴ Текст резолюции см.: Сотников В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. — М., 2003. — С. 221—223.

⁵ Сотников В. И. Указ. соч. — С. 196. Согласно информации, появившейся в печати, утверждалось, что вслед за проведением ядерных испытаний в мае 1998 г. Индия выразила готовность присоединиться к ДНЯО, но только в качестве ядерной державы. К этому же времени относится и ее предложение предоставить гарантии ядерной безопасности государствам, входящим в зоны, объявленные свободными от ядерного оружия и расположенные вблизи от ее границ (например, в Юго-Восточной Азии). Расчет был явно на то, что в случае принятия этого предложения международное сообщество фактически признало бы ядерный статус Индии.

⁶ См. текст Лахорской декларации на сайте http://www.hindustantimes.com/news/181_254953,001300430002.htm.

⁷ Категорически отвергая индийскую концепцию «ограниченной войны» без использования ядерного оружия, выдвинутую министром обороны Индии Дж. Фернандесом, Пакистан предупредил, что будет готов применить ядерное оружие даже в случае обычного вооруженного конфликта с Индией, если сочтет свои потери неприемлемыми. Как уже отмечалось, ввиду явной асимметрии в обычных вооружениях между Индией и Пакистаном последний склонен к применению ядерного оружия на более ранней стадии вооруженного конфликта.

⁸ Spector L. S., McDonough M., Medires E. Tracking Nuclear Proliferation / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 1995. — P. 98—99.

⁹ Speech by Mr. Yashwant Singh, External Affairs Minister of India, at Woodrow Wilson Centre. Washington. January 20, 2004.

¹⁰ Mainstream. — 2004. — Vol. 62. — № 28. — July 3.

¹¹ Joint Statement of Foreign Secretaries Level Talks // http://www.infopak.gov.pk/Indo-Pak_talks/text_of_joint_statement_of_foreign%20secys.htm. June 28, 2004.

¹² http://id.julia.net/press/tass_plp/2004/06/2004.06.02.12.30.58.p-14.htm.

¹³ http://id.julia.net/press/tass_plp/2004/06/2004.06.21.33-14.htm.

¹⁴ Deccan Herald. — 2004. — Sept. 24.

¹⁵ Mazari Shireen M. Nuclear Proliferation: The Way Forward. A Pakistani Perspective. — Paper presented at the seminar in Moscow Carnegie Center, 28 September 2004. — P. 10—11.

¹⁶ Подробнее о балансе военных сил между Индией и Пакистаном см.: Шилин А. А. Стратегический баланс в Южной Азии. — М., 2004.

¹⁷ Poulouse T. Rethinking on Nuclear Doctrine Begins // Asian Affairs [London — New Delhi]. — 2004. — Vol. 8. — № 93. — July. — P. 8—11.

Выводы

Как ни парадоксально, обретение ядерного оружия, прежде всего друг против друга, создало в то же время своеобразную общность интересов у Индии и Пакистана как в контроле над их ядерными арсеналами, так и в отношениях с внешним миром. Эту закономерность уже испытали на себе СССР и США, придя в конце 1960-х годов к переговорам об ограничении и сокращении ядерных вооружений и Договору о нераспространении ядерного оружия.

Можно предположить, что угроза перерастания любого конфликта в ядерную катастрофу также побуждает оба государства более ответственно относиться к своим противоречиям и избегать прямого столкновения. Это воспринимается некоторыми политиками и специалистами как подтверждение на «региональном полигоне» благотворного влияния ядерного сдерживания в деле предотвращения войны в глобальном масштабе как в прошлом, в период «холодной войны», так и на будущее. В этом состоит главный современный аргумент в пользу сохранения ЯО и ядерного сдерживания и против ядерного разоружения даже в отдаленной перспективе.

Но вместе с тем пример Южной Азии подталкивает и к противоположным выводам. Если ядерное сдерживание работает и приносит пользу в отношениях великих держав между собой и с окружающими странами, то почему все остальные государства, имеющие достаточные экономические и технические возможности и не защищенные союзническими обязательствами ядерных держав, должны отказываться от обретения собственного ЯО? А раз так, можно ли надеяться, что ядерное сдерживание в любом регионе и всегда сможет предотвратить войну и эскалацию к применению ядерного оружия, как это было между СССР и США в 1950—1980-х годах? Это тем более неясно, если учесть географические, технические и стратегические особенности новых ядерных балансов, а также внутреннюю ситуацию в ряде проблемных стран.

Пока вывод из истории ядерного соперничества в Южной Азии остается неопределенным. Скорее всего привнесение в региональную ситуацию ЯО с обеих сторон сделает широкомасштабный вооруженный конфликт менее вероятным. Но он не станет невозможным и если все-таки разразится, то неуправляемая эскалация и обмен ядерными ударами будут почти неизбежными, во всяком случае, более вероятным, чем в любом другом районе мира или на глобальном уровне. Можно сравнить эту ситуацию с автомобилем, который нагружают взрывчаткой, чтобы создать стимул соблюдать правила

дорожного движения. Водитель, конечно, вынужден вести его вдвойне осторожно, но если все же произойдет авария, в том числе и в силу привходящих обстоятельств, то разрушительные последствия будут неизмеримо более тяжелыми.

Тем более негативный эффект появления ЯО в Южной Азии оказало на международный режим и системы контроля над ядерными вооружениями. Как известно, ни Индия, ни Пакистан не являются участниками ДНЯО и никогда не брали на себя обязательств, прямо вытекающих из этого договора. В этих условиях присоединение Индии и Пакистана к ДНЯО в качестве неядерных государств нереально, а в качестве ядерных тоже неприемлемо, ибо фактически уничтожит дух и букву, сложившуюся структуру взаимных обязательств стран — членов ДНЯО. Вместе с тем крайне негативным является то обстоятельство, что Индия и Пакистан находятся вне сферы действия ДНЯО, равно как и большинства других международных договоренностей и соглашений, регулирующих режим ограничения и нераспространения ядерных и ракетных средств и технологий.

Принимая во внимание политические и военно-технические реалии, сложившиеся на Индостанском полуострове, целесообразно, вместо того чтобы сетовать на случившееся или требовать от Индии и Пакистана присоединения к ДНЯО в качестве неядерных государств, разработать и предложить комплекс взаимосвязанных мер, призванных стабилизировать сложившуюся ситуацию и открыть перспективы ее улучшения. Эти меры можно предложить для обсуждения на очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО и (или) Конференции по разоружению в Женеве, а также в двустороннем индо-пакистанском формате или на трехсторонних (с КНР) или пятисторонних (с КНР, США, Россией) переговорах.

Суть этого комплекса мер состоит в том, чтобы в обмен на международное признание фактического ядерного статуса Индии и Пакистана свести до минимума как угрозу ядерного конфликта на субконтиненте, так и негативные последствия неучастия этих стран в ДНЯО, а также способствовать ограничению ядерной гонки в Южной Азии и соблюдению двумя державами режима нераспространения ядерных и ракетных технологий и материалов.

В двустороннем плане по мнению авторов настоящего исследования, целесообразны следующие меры.

● Следует добиваться от Индии и Пакистана официального принятия и включения в военные доктрины принципа неприменения первыми ядерного оружия по примеру Китая, уже объявившего о таком обязательстве. Тем самым вся военно-стратегическая региональная подсистема (Индия — Китай — Пакистан) оказалась бы более стабильной в смысле снижения вероятности развязывания ядерной войны даже в случае очередного кризиса.

● В интересах нормализации обстановки в районе индо-пакистанской границы и снижения риска военного конфликта с ядерной эскалацией следовало бы содействовать достижению соглашения Индии и Пакистана о взаимном отводе от границы войск включая части, оснащенные тактическими ракетами, способными нести ядерное оружие. Возможности контроля могут быть обеспечены техническими средствами великих держав или наблюдателями ООН.

● Важно достичь соглашения сторон об уведомлении друг друга о любых передислокациях в приграничную зону тактических ракет типа «Притхви» (Индия) и «Хатф-1», «Хатф-2» и «Хатф-3» (Пакистан).

● Еще одним способом снижения риска ядерного конфликта были бы взаимные обязательства не размещать ядерное оружие в Кашмире, т. е. как в индийском штате Джамму и Кашмир, так и в подконтрольных Пакистану областях бывшего одноименного княжества.

● Те же цели, но в более широком масштабе могут быть достигнуты соглашением о поддержании ракетно-ядерных сил средней и большой дальности (свыше 500 км) в состоянии пониженной боеготовности (т. е. легализующем существующую практику) и об уведомлениях об изменении такого состояния в ходе учений, испытаний или по оперативным причинам. Гарантировать это положение, материально воплощающее обязательство о неприменении ЯО первыми, могут национальные технические средства контроля России и США и (или) постоянные наблюдатели ООН на военных базах ядерных сил сторон. Опробовав такую меру на субконтиненте, можно впоследствии распространить ее на Россию, США и другие ядерные державы в случае достижения ими предлагаемого рядом специалистов договора о понижении степени боевой готовности стратегических сил.

● Впоследствии можно способствовать договору Индии и Пакистана об ограничении их ракет средней и меньшей дальности каким-то уровнем (50—100 ракет и боеголовок). Опасения Индии по поводу КНР она при необходимости могла бы компенсировать за счет межконтинентальных ракет (дальностью свыше 5500 км) и средств авиационного и морского базирования. Возможно, в дальнейшем и Китай ограничил бы свои ракеты средней и меньшей дальности таким же уровнем.

● В качестве поощрения названных мер Россия и США помимо содействия контролю могли бы передать

Индии и Пакистану технологию систем боевого управления, исключаящую несанкционированное применение («электронные замки»).

● Другим шагом могло бы стать подключение Индии и Пакистана к российско-американскому проекту совместного Центра обмена данными о пусках ракет и развитии ракетных технологий.

● Пакистан мог бы сотрудничать в области борьбы с ядерным терроризмом помимо США и с другими странами, в частности с Россией. Соответствующая организационная структура для совместной работы имеется — это совместная российско-пакистанская группа по борьбе с терроризмом.

● Не исключена и кооперация между властными структурами Пакистана и Индии в этом вопросе. Разведывательные органы двух стран могли бы обмениваться информацией по поводу угроз, исходящих от террористов в ядерной сфере. Это помимо возможного прямого эффекта помогло бы укрепить доверие между весьма влиятельными группами в элитах обоих государств.

В многостороннем формате важно было бы предпринять следующие шаги.

● Следует добиваться присоединения Индии и Пакистана к ДВЗЯИ как важнейшему договору, стоящему на пересечении вертикального и горизонтального нераспространения ЯО и призванному стать одной из главных опор ДНЯО. Этот договор позволил бы косвенно ограничить качественное и количественное развитие ядерных средств Индии и Пакистана, стимулировать ограничение их ракетных сил, а также «усыновить» две фактически ядерные державы в режим нераспространения, не ломая при этом ДНЯО.

● Другой шаг в этом же направлении — подписание двумя странами совместной декларации о соблюдении ими положений ДНЯО (без формального членства в Договоре), касающихся запретов на передачу неядерным государствам опасных ядерных материалов и технологий и др. (в частности, ст. I, IV, VI).

● Также оба государства должны присоединиться к разработке и вступлению в силу ДЗПРМ и в его рамках передать под гарантии МАГАТЭ все объекты своей ядерной инфраструктуры (АЭС, исследовательские реакторы, предприятия по обогащению урана и регенерации плутония), кроме относящихся непосредственно к ядерному оружию (заводы-изготовители ядерных боеприпасов, хранилища боеприпасов и накопленных оружейных ядерных материалов, базы ядерных средств). В таком контексте государства должны были бы присоединиться к Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997 г. и другим гарантиям МАГАТЭ.

● Полезно было бы достичь присоединения обеих держав к соглашению по ИБОР и его возможным расширенным вариантам.

- Исключительную важность имело бы подключение двух стран к действующим международным организациям экспортного контроля за торговлей ядерными технологиями и материалами (прежде всего ГЯП).

- То же относится к присоединению двух государств к международному режиму контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

Наконец, *третий пакет мер* больше относится к внутренней политике Индии и Пакистана.

- Уже в настоящее время необходимо принятие мер, которые в случае ухудшения внутривосточной обстановки в будущем могли бы уменьшить ядерную опасность со стороны Пакистана. От властей Пакистана требуется усиление мер безопасности, контроля над хранением ядерных материалов, а также обеспечение надлежащей секретности и труднодоступности мест их размещения. Особое значение имеет, разумеется, доверие к персоналу, допущенному к секретным работам, а также соответствующая его материальная и моральная мотивация.

- Вместе с тем очевидно, что международные инспекции всех пакистанских ядерных объектов в полном объеме в настоящее время исключены. Возможно, учитывая особый характер американо-пакистанских отношений, можно было бы установить скрытый контроль этих объектов со стороны США и предусмотреть чрезвычайные меры в отношении ЯО и оружейных ядерных материалов на случай внутривосточной дестабилизации страны.

- Кроме того, следует рекомендовать правительствам и парламентам Индии и Пакистана безотлагательно принять законодательство, предусматривающее четко сформулированные нормы действенного контроля за обеспечением безопасности производства, хранения и транспортировки ядерных материалов, ядерного оружия и его компонентов (согласно резолюции № 1540 Совета Безопасности ООН).

Перечисленные рекомендации по выработке новой стратегии в отношении легитимации ядерного статуса Индии и Пакистана носят, разумеется, предварительный характер. Они в большинстве своем не имеют шансов на успех без изменения нынешней политики великих держав, прежде всего США и России. При этом самые большие коррективы следует внести в свою политику Вашингтону.

Речь идет в первую очередь об их линии в сфере ядерного разоружения. От изменения курса США зависят:

- вступление в силу ДВЗЯИ;

- продвижение ДЗПРМ;

- принятие Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г. всеми участниками ДНЯО и «неприсоединившимися» странами;

- распространение гарантий МАГАТЭ на всю ядерную инфраструктуру (кроме относящейся непосредственно к оружию);

- повышение эффективности механизмов контроля над ядерным экспортом;

- усиление действенности РКРТ;

- продолжение процесса сокращения стратегических наступательных вооружений, переход к согласованным мерам понижения уровня их боеготовности, последующие договоры в отношении тактического ядерного оружия;

- наконец, США, Россия, Великобритания и Франция должны принять обязательство о неприменении ядерного оружия первыми против любого члена ДНЯО и стран, фактически соблюдающих его положения и участвующих в его механизмах.

Нет никаких реальных резонансов безопасности, мешающих принятию таких обязательств. Ядерные державы должны отказаться от разработки новых систем оружия и формулирования стратегических концепций, делающих применение ЯО практически более вероятным.

Все эти шаги великих держав сами по себе не гарантируют осуществления мер, предложенных применительно к Южной Азии. Для этого потребуются большие дополнительные усилия. Но без таких шагов великих держав большинство существенных мер, относящихся к Индии и Пакистану, неосуществимы.

По мнению авторов доклада, осуществление этих рекомендаций проложило бы путь реального и нестандартного взаимодействия с новыми обладателями ядерного оружия в Южной Азии. Реализация предложенных мероприятий могла бы заметно способствовать укреплению безопасности в Южной Азии, серьезно снизить угрозу ядерного конфликта в регионе и содействовать нормализации и конструктивному развитию индо-пакистанских отношений. Участие обеих стран в мерах по контролю над ядерным оружием могло бы существенно повысить международный авторитет двух новых ядерных государств и за пределами этого региона, способствовать увеличению их ответственности за глобальные процессы в ядерной сфере, активизации их участия в борьбе за ядерную безопасность в мире.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.carnegieendowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (095) 935-8904; Факс: +7 (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Настоящий доклад является вторым из четырех в рамках исследовательского проекта под общей рубрикой «Нераспространение ядерного оружия в эпоху глобализации».